

MULTICULTURAL RESEARCH /
МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ /
跨文化研究

Шукюфа Джабарова, Адалят Абдиева

Роль кросс-культурного
образования в преодолении
стереотипов и дискриминации

Николай Трус

Китайско-белорусский литературный
диалог начала XX века: архивная
реконструкция

Scientific Journal /
Научный журнал /
学术期刊

Nº1 (26)
2026

湖州师范大学

主办单位: 湖州师范大学跨文化研究中心
地址: 中国浙江省湖州市二环东路759号
邮箱: 02546@zjhu.edu.cn; MCR-journal@yandex.ru
电话: +86 572-2321033
邮政编码: 313000

Organizer: Multicultural Research Center, Huzhou Normal University
Address: No. 759, Erhuandong Road, Huzhou, Zhejiang Province, China
Email: 02546@zjhu.edu.cn; MCR-journal@yandex.ru
Tel: +86 572-2321033
Postal Code: 313000

Организатор: Мультикультурный исследовательский центр
Педагогического университета Хучжоу
Адрес: улица Эрхуаньдун, 759, г. Хучжоу, провинция Чжэцзян, Китай
Электронная
почта: 02546@zjhu.edu.cn; MCR-journal@yandex.ru
Тел.: +86 572-2321033
Почтовый
индекс: 313000

Editor-in-Chief:

Pyrozhenko Lidiia,
Doctor of Pedagogy, Professor

Huzhou Normal University
(China)

Deputy Editor-in-Chief:

Li Jihua,
PhD in Pedagogy, Associate Professor

Huzhou Normal University
(China)

Executive Editor:

Shauliakova-Barzenka Iryna
PhD in Philology, Associate Professor

Huzhou Normal University
(China)

International Editorial Board

Abdullazade Gulnaz,
Doctor of Philosophy, Professor

Baku Academy of Music
(Azerbaijan)

Alekseev-Apraksin Anatoly,
Doctor of Cultural Studies, Professor

St. Petersburg State University
(Russia)

Zakharina Yulia,
Doctor of Arts, Professor

Belarusian Pedagogical State University
named after Maxim Tank
(Belarus)

Laptenok Alexander,
Doctor of Philosophy, Professor

Belarusian State University
(Belarus)

Martysiuk Pavel,
Doctor of Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor

Belarusian State University
of Culture and Arts
(Belarus)

Megrelishvili Tatiana,
Doctor of Philology, Professor

Georgian Technical University
(Georgia)

Melnikava Angela,
Doctor of Philology, Professor

Francisk Skorina Gomel State University
(Belarus)

Mysyk Irina,
Doctor of Philosophy, Professor

South Ukrainian State
Pedagogical University named after
K. D. Ushinsky
(Ukraine)

Najieva Flora Sultan gizi,
Doctor of Philology, Professor

Baku Slavic University
(Azerbaijan)

Ozer Zeynep Baglan,
Doctor of Philology, Professor

Ankara Haci Bayram Veli University
(Turkiye)

Palchyk Henadzi,
Doctor of Pedagogy, Professor

Belarusian State University
(Belarus)

Rusetsky Vasily,
Doctor of Pedagogy, Professor

Academy of Education
(*Belarus*)

Snapkovskaya Svetlana,
Doctor of Pedagogy,
Doctor of History, Professor

Belarusian State University
(*Belarus*)

Song Shanshan,
PhD in Cultural Studies

Huzhou Normal University
(*China*)

Chen Chenlin,
PhD in Philology

Huzhou Normal University
(*China*)

Advisory Council

Xu Haiyan,
Doctor of Law, Professor

Institute of Political Sciences,
Chinese Academy of Social Sciences
(*China*)

Guzenkova Tamara,
Doctor of History, Professor

Russian State University for the Humanities
(*Russia*)

Zelianko Volha,
Doctor of Pedagogy,
Associate Professor

Academy of Education
(*Belarus*)

Itskovich Tatiana,
Doctor of Philology, Professor

Ural Federal University
(*Russia*)

Torkhava Hanna,
Doctor of Pedagogy,
Professor

Belarusian Pedagogical State University
named after Maxim Tank
(*Belarus*)

Lebedzeu Siarhei,
PhD in Philology, Associate Professor

Belarusian State University
(*Belarus*)

Главный редактор:

Пироженко Лидия,
доктор педагогических наук,
профессор

Педагогический университет Хучжоу
(*Китай*)

Заместитель главного редактора:

Ли Цзихуа,
кандидат педагогических наук,
доцент

Педагогический университет Хучжоу
(*Китай*)

**Ответственный секретарь
(выпускающий редактор):**

Шевлякова-Борзенко Ирина,
кандидат филологических наук,
доцент

Педагогический университет Хучжоу
(*Китай*)

Международный редакционный совет

Абуллазаде Гульназ,
доктор философских наук,
профессор

Бакинская музыкальная академия
имени Узеира Гаджибекова
(*Азербайджан*)

Алексеев-Апраксин Анатолий,
доктор культурологии,
профессор

Санкт-Петербургский государственный
университет
(*Россия*)

Захарина Юлия,
доктор искусствоведения,
профессор

Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(*Беларусь*)

Лаптёнок Александр,
доктор философских наук,
профессор

Белорусский государственный
университет
(*Беларусь*)

Мартысюк Павел,
доктор культурологии,
доктор философских наук,
профессор

Белорусский государственный
университет культуры и искусств
(*Беларусь*)

Мегрелишвили Татьяна,
доктор филологических наук,
профессор

Грузинский технический университет
(*Грузия*)

Мельникова Анжела,
доктор филологических наук,
профессор

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
(*Беларусь*)

Мысык Ирина,
доктор философских наук,
профессор

Южноукраинский государственный
педагогический университет имени
К.Д. Ушинского
(*Украина*)

Наджиева Флора Султан гызы,
доктор филологических наук,
профессор

Бакинский славянский университет
(*Азербайджан*)

Озер Зейнеп Баглан,
доктор филологических наук,
профессор

Анкарский университет
имени Хаджи Байрама Вели
(*Турция*)

Пальчик Геннадий,
доктор педагогических наук,
профессор

Белорусский государственный
университет
(*Беларусь*)

Русецкий Василий,
доктор педагогических наук,
профессор

Академия образования
(*Беларусь*)

Снапковская Светлана,
доктор педагогических наук,
доктор исторических наук,
профессор

Белорусский государственный
университет
(*Беларусь*)

Сун Шаншан,
кандидат культурологии

Педагогический университет Хучжоу
(*Китай*)

Чень Ченьлин,
кандидат филологических наук

Педагогический университет Хучжоу
(*Китай*)

Консультативный совет

Сюй Хайянь,
доктор юридических наук,
профессор

Институт политических наук
Китайской академии общественных наук
(*Китай*)

Гузенкова Тамара,
доктор исторических наук,
профессор

Российский государственный
гуманитарный университет
(*Россия*)

Зеленко Ольга,
доктор педагогических наук,
доцент

Академия образования
(*Беларусь*)

Ицкович Татьяна,
доктор филологических наук,
профессор

Уральский федеральный университет
(*Россия*)

Торхова Анна,
доктор педагогических наук,
профессор

Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(*Беларусь*)

Лебедев Сергей,
кандидат филологических наук,
доцент

Белорусский государственный
университет
(*Беларусь*)

主编:

彼洛仁科·莉迪娅
教育学博士, 教授

湖州师范大学
(中国)

副主编:

李姬花
教育学博士, 副教授

湖州师范大学
(中国)

执行秘书 (负责期刊发布):

沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜
语言学博士, 副教授

湖州师范大学
(中国)

国际编委会成员

阿布拉扎德·古尔纳兹,
哲学博士, 教授

巴库音乐学院
(阿塞拜疆)

阿列克谢耶夫-阿普拉辛·阿纳托利
文化学博士, 教授

圣彼得堡国立大学
(俄罗斯)

扎哈林娜·尤利娅
艺术学博士, 教授

白俄罗斯国立师范大学
(白俄罗斯)

拉普提诺克·亚历山大
哲学博士, 教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

马蒂修克·帕维尔
文化学、哲学博士, 教授

白俄罗斯国立文化艺术大学
(白俄罗斯)

梅格雷利什维利·塔蒂亚娜
语言学博士, 教授

格鲁吉亚技术大学
(格鲁吉亚)

梅尔尼科娃·安吉拉
语言学博士, 教授

白俄罗斯戈梅利国立大学
(白俄罗斯)

米赛克·依丽娜
哲学博士, 教授

南乌克兰国立教育学院
(乌克兰)

纳吉耶娃·弗洛拉·苏丹·吉兹
语言学博士, 教授

巴库斯拉夫大学
(阿塞拜疆)

巴利齐科·根纳迪
教育学博士, 教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

奥卓尔·泽内普·巴格兰
语言学博士, 教授

安卡拉哈吉拜伊拉姆韦利大学
(土耳其)

鲁塞茨基·瓦西里
教育学博士，教授

白俄罗斯教育学院
(白俄罗斯)

斯内普科夫斯卡娅·斯维特兰娜
教育学、历史学博士，教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

宋珊珊
文化学博士

湖州师范大学
(中国)

陈陈林
语言学博士

湖州师范大学
(中国)

咨询委员会

徐海燕
法学博士，教授

中国社会科学院政治学研究所
(中国)

古岑科娃·塔玛拉
历史学博士，教授

俄罗斯国立人文大学
(俄罗斯)

泽连科·奥尔加
教育学博士，副教授

白俄罗斯教育学院
(白俄罗斯)

伊茨科维奇·塔季扬娜
文学博士，教授

俄罗斯乌拉尔联邦大学
(俄罗斯)

托尔霍娃·安娜
教育学博士，教授

白俄罗斯国立师范大学
(白俄罗斯)

列别捷夫·谢尔盖
语言学博士，副教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

CONTENT

Pedagogical Science and Education

Jabarova Shukufa, Abdiyeva Adalat

The Role of Cross-Cultural Education in Overcoming Stereotypes and Discrimination **11**

Strelkova Irina

Training Teachers for Cross-Cultural Education: A Model for the Formation of Information Culture in the Context of Globalization and Artificial Intelligence **18**

Bagirova Sevil

The Bridge Between Tradition and Innovation: Modern Methods of Teaching Foreign Languages **27**

Gutsko Irina, Gavrilovets Ekaterina

Language Learning Through the Lens of National Mentality **35**

Cultural Studies

Gulchenko Darya

The Formation of the Shinto Cult of Munakata Taisha Shrine on Kyushu Island **45**

Philology

Trus Mikalai

Chinese-Belarusian Literary Dialogue of the Early 20th Century: Archival Reconstruction **55**

Lebedzeu Siarhei, Salauyova Yuliya

The Phenomenon of the 'Lost Man' in Korean Literature (Choi Yinhun's The Square) **65**

Karatkevich Iryna

National Dictionary as a Source of Cross-Cultural Information **77**

Information About the Authors **85**

Information About the Multicultural Research Center of Huzhou Normal University **89**

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогическая наука и образование

Джабарова Шукюфа, Абдиева Адалят

Роль кросс-культурного образования в преодолении стереотипов и дискриминации **11**

Стрелкова Ирина

Подготовка педагогов для кросс-культурного образования: модель формирования информационной культуры в условиях глобализации и искусственного интеллекта **18**

Багирова Севиль

Мост между традицией и инновацией: современные методики обучения иностранным языкам **27**

Гуцко Ирина, Гавриловец Екатерина

Изучение языка через призму национального менталитета **35**

Исследования культуры

Гульченко Дарья

Формирование культа синтоистского святилища Мунаката-тайся на острове Кюсю **45**

Филология

Трус Николай

Китайско-белорусский литературный диалог начала XX века: архивная реконструкция **55**

Лебедев Сергей, Соловьёва Юлия

Феномен «потерянного человека» в корейской литературе (на примере романа Чхве Инхуна «Площадь») **65**

Короткевич Ирина

Национальный словарь как источник кросс-культурной информации **77**

Сведения об авторах **85**

Информация о Мультикультурном исследовательском центре Педагогического университета Хучжоу **89**

PEDAGOGICAL SCIENCE AND EDUCATION
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 75:316.7:378.091

Шукюфа Джабарова,
кандидат философских наук, доцент;
Азербайджанский университет языков,
(Азербайджан)
cshb@mail.ru

Адалят Абдиева,
кандидат философских наук, доцент;
Азербайджанский университет языков,
(Азербайджан)
adelya_abdiyeva@mail.ru

**РОЛЬ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ
СТЕРЕОТИПОВ И ДИСКРИМИНАЦИИ**

В статье рассматривается роль кросс-культурного образования как эффективного инструмента преодоления стереотипов и дискриминации в условиях глобализации. Анализируются природа и механизмы формирования стереотипов, а также их негативное влияние на межкультурное взаимодействие. Анализируются основные подходы и методы кросс-культурного образования, включая развитие межкультурной компетентности, формирование критического мышления и создание платформ для взаимодействия. Приводятся успешные примеры образовательных программ, которые доказали свою эффективность в снижении предвзятости и формировании инклюзивного общества. Особое внимание уделяется азербайджанскому опыту мультикультурного образования как примеру гармоничного сосуществования различных этнокультурных традиций. Подчеркивается, что кросс-культурное образование не только способствует деконструкции стереотипов, но и формирует глобальное мышление, укрепляет социальное единство и создает основу для мирного сосуществования в многообразном мире.

Ключевые слова: кросс-культурное образование; стереотипы; дискриминация; межкультурная компетентность; инклюзия; Азербайджан.

Shukufa Jabarova,
PhD, Associate Professor;
Azerbaijan University of Languages
(Azerbaijan)
cshb@mail.ru

Adalat Abdiyeva,
PhD, Associate Professor;
Azerbaijan University of Languages
(Azerbaijan)
adelya_abdiyeva@mail.ru

THE ROLE OF CROSS-CULTURAL EDUCATION IN OVERCOMING STEREOTYPES AND DISCRIMINATION

The article examines the role of cross-cultural education as an effective tool for overcoming stereotypes and discrimination in the context of globalization. It analyzes the nature and mechanisms of stereotype formation, as well as their negative impact on intercultural interaction. Special attention is given to the main approaches and methods of cross-cultural education, including the development of intercultural competence, the cultivation of critical thinking, and the creation of platforms for dialogue and interaction. The paper presents successful examples of educational programs that have proven their effectiveness in reducing prejudice and fostering inclusive societies. Particular attention is paid to the Azerbaijani experience of multicultural education as an example of the harmonious coexistence of diverse ethno-cultural traditions. The authors emphasize that cross-cultural education not only facilitates the deconstruction of stereotypes but also nurtures global thinking, strengthens social cohesion, and establishes a foundation for peaceful coexistence in a diverse world.

Keywords: cross-cultural education; stereotypes; discrimination; intercultural competence; inclusion; Azerbaijan.

Введение

В эпоху глобализации человечество сталкивается с феноменом интенсивных культурных взаимодействий. Миграционные потоки, информационные технологии и международные коммуникации формируют новую социокультурную реальность, в которой различие становится нормой, а не исключением. Однако наряду с процессами интеграции усиливаются проявления дискриминации, ксенофобии и культурной замкнутости. Возникает парадокс: чем ближе становятся народы, тем сильнее ощущается напряжение между ними. В этом контексте философия кросс-культурного образования выступает как поиск новой этики общения и признания Другого.

Стереотипы формируются как продукт неосознанных схем восприятия мира, в которых «чужое» воспринимается как угроза, а не как возможность. Цель данной статьи – осмыслить роль кросс-культурного образования в преодолении стереотипов и дискриминации с точки зрения философии культуры, этики и антропологии, а также показать, каким образом опыт Азербайджана может служить моделью практической реализации принципов мультикультурализма.

Основная часть

Культура в философском понимании не сводится к совокупности традиций и символов; это способ бытия человека в мире, система смыслов, создающая возможность общения. Кросс-культурное образование, следовательно, не просто передает знания о «чужом», но раскрывает саму онтологию различия. По выражению Э. Кассирера, человек есть «animal symbolicum» (животное символическое), а потому кросс-культурное образование – это процесс вхождения в мир символических форм других культур [1].

М. Бубер в своей концепции отношений «Я-Ты» подчеркивает, что подлинное существование возможно лишь во встрече с Другим как с субъектом, а не объектом [2]. Межкультурное образование, основанное на диалоге, реализует именно это «встречное движение»: обучающийся перестает воспринимать чужую культуру как объект изучения и начинает видеть в ней равноправного участника, творящего новые смыслы. Е. Левинас развивает эту мысль, рассматривая Другого как абсолютную инаковость, к которой человек обращен этически. Этика предшествует знанию. Кросс-культурное образование в этом контексте выступает как этика ответственности: оно формирует субъектов, способных воспринимать инаковость не как угрозу, а как призыв к диалогу и соучастию [3].

Согласно Х.-Г. Гадамеру, понимание есть событие встречи горизонтов – процесс, в котором наши предубеждения трансформируются. Кросс-культурное обучение становится именно таким «событием понимания»: через диалог и интерпретацию обучающийся преодолевает собственные стереотипы. В этом смысле образование – это не просто инструмент, а способ бытия, направленный на самопреодоление [4]. Противоположность этому – стереотипизация, которая низводит личность до признаков группы. Стереотипы – это устойчивые обобщенные представления о группах людей, часто основанные на ограниченном опыте и не учитывающие индивидуальных различий. Они выполняют когнитивную функцию, упрощая обработку информации, но одновременно усиливают предвзятость. Дискриминация же представляет собой практическое выражение стереотипов в форме несправедливого обращения или ущемления прав людей на основании их принадлежности к определенной социальной,

---

этнической или культурной группе. Корни дискриминации лежат в страхе перед «иным», незнании и отсутствии межкультурного опыта.

Кросс-культурное образование опирается на философию диалога [2; 4], где личность формируется через общение и признание Другого. Оно выступает способом бытия в многообразном мире, преодолевая границы национальных или этнических предубеждений. Кросс-культурное образование – это педагогический процесс, направленный на развитие знаний, навыков и установок, позволяющих эффективно взаимодействовать с представителями различных культур. Оно включает в себя изучение культуры и истории других народов, формирование эмпатии и уважения к культурному многообразию, а также навыков критического мышления для анализа и переосмысления стереотипов.

Для преодоления стереотипов в образовательной среде необходим комплекс мер, направленных на формирование кросс-культурной компетентности и развитие уважительного отношения к культурному многообразию. Важно внедрять принципы инклюзивного и мультикультурного образования, обеспечивая отражение различных культурных традиций и мировоззрений в учебных программах. Особое значение имеет подготовка педагогов к межкультурному взаимодействию, обучение их методам предотвращения предвзятости и дискриминации. В образовательный процесс следует включать развитие критического мышления, что позволит учащимся осознавать и анализировать стереотипные образы, присутствующие в медиа, литературе и общественном сознании [5]. Эффективным инструментом преодоления культурных барьеров выступает диалоговая форма обучения, предполагающая дискуссии, совместные проекты и межкультурные обмены. Важную роль играют также искусство и творческие практики, способствующие формированию эмпатии и эмоционального понимания культурных различий. Необходимым условием является введение специальных курсов по мультикультурализму, толерантности и правам человека, что формирует у учащихся толерантное отношение к различиям. Равный доступ к образованию для всех групп населения и использование успешных международных практик, включая опыт ЮНЕСКО, усиливают эффективность таких подходов. Кроме того, важно расширять сферу образовательного воздействия указанных курсов, проводя просветительскую работу с родителями и обществом в целом, что способствует формированию культуры взаимного уважения и доверия в многонациональной среде. Основная цель кросс-культурного образования заключается в создании инклюзивного общества, где культурные различия воспринимаются не как преграда, а как ресурс. Поэтому главная задача – это формирование межкультурной компетентности,

---

которая предполагает осознание культурных различий, умение распознавать свои стереотипы и развивать навыки конструктивного взаимодействия.

Важным фактором формирования межкультурных компетенций является развитие критического мышления. Оно помогает студентам выявлять и подвергать сомнению предвзятые суждения. Для этого в образовательном процессе должно быть место дискуссиям по вопросам культурного разнообразия, разбору исторических примеров стереотипизации и ее последствий; необходимо создавать особое мультикультурное пространство для взаимодействий различных культурных традиций.

Образовательные программы, основанные на межкультурной коммуникации, учат не только принимать различие, но и видеть в нем источник морального совершенствования. Когда человек вступает в контакт с иной культурой, он вынужден пересмотреть собственные ценности, осмыслить их с точки зрения современных реалий многокультурного общества.

Азербайджан, как исторический перекресток культур Востока и Запада, демонстрирует уникальный опыт интеграции принципов кросс-культурного образования. Здесь образование выступает инструментом гармонизации этноконфессиональных различий и формирования национальной идентичности, основанной на идее толерантности и взаимного уважения. В Азербайджане кросс-культурная направленность образования обусловлена, в числе прочего, государственной поддержкой мультикультурализма. Например, Бакинский международный центр мультикультурализма при Президенте Азербайджана реализует образовательные программы, направленные на изучение принципов толерантности и межкультурного взаимодействия [6]. Центр проводит лекции, конференции и семинары, посвященные вопросам межкультурного взаимодействия, а также координирует международные образовательные программы [6]. Курсы, посвященные азербайджанской модели мультикультурализма, реализуются не только в отечественных вузах, но и в университетах Европы и Азии, что демонстрирует универсальность этого подхода. Предмет «Мультикультурализм Азербайджана» преподается более чем в 20 университетах разных государств мира. Изучение богатого мультикультурного наследия Азербайджана нацеливает молодежь на знакомство с разнообразными и самобытными культурными традициями, способствуя тем самым формированию и развитию толерантности и уважения ко всем формам культурного многообразия в обществе [7].

Философия кросс-культурного образования в Азербайджане основана на идее единства духовных и этических ценностей при сохранении культурного

многообразия. Это выражается в образовательных инициативах, направленных на формирование культуры диалога, критического мышления и эмпатии у студентов. Кросс-культурное образование является фундаментальным инструментом преодоления стереотипов и дискриминации в современном мире, характеризующемся глобализацией, миграционными процессами и интенсивным культурным взаимодействием. Оно выполняет не только образовательную, но и социально-этическую, философскую и культурологическую функции, способствуя формированию сознательного и ответственного гражданина, способного к диалогу и взаимопониманию.

Заключение

Философский анализ показывает, что кросс-культурное образование не ограничивается передачей фактических знаний о чужой культуре. Его суть заключается в развитии способности человека к эмпатии, критическому осмыслению собственных предубеждений и осознанию ценности многообразия. Кросс-культурное образование становится способом духовного и морального совершенствования личности.

Азербайджанский опыт мультикультурного образования демонстрирует успешную реализацию соответствующих подходов на государственном уровне. Дисциплины, связанные с изучением мультикультурализма, интегрированы как в содержание образования непосредственно в стране, так и в университетские программы Европы и Азии, создавая уникальную платформу для международного диалога и практического освоения принципов толерантности.

Кросс-культурное образование способствует формированию целостного, глобально мыслящего человека, способного преодолевать интеллектуальные и культурные барьеры. Оно укрепляет социальное единство, снижает уровень дискриминации и создает устойчивую основу для мирного сосуществования в многообразном мире.

В конечном итоге кросс-культурное образование является стратегическим ресурсом устойчивого развития общества. Оно интегрирует образовательные, этические и философские подходы в единое пространство, где знание, понимание и диалог становятся инструментами преодоления предубеждений и формирования гармоничного межкультурного взаимодействия. Таким образом кросс-культурное образование не только уменьшает социальное напряжение и дискриминацию, преодолевает стереотипы, но и создает культурно осмысленное и гуманистически ориентированное будущее, в котором разнообразие рассматривается не как угроза, а как ресурс развития и объединения.

Список литературы

1. Кассирер, Э. *Опыт о человеке*. Москва: Гардарика, 1998.
2. Бубер, М. *Я и Ты*. Москва: Республика, 1993.
3. Левинас, Э. *Тотальность и бесконечное*. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000.
4. Гадамер, Х.-Г. *Истина и метод*. Москва: Прогресс, 1988.
5. Banks, J. A. *Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum, and Teaching*. Pearson, 2019.
6. Бакинский международный центр мультикультурализма. *Программы и отчеты о деятельности*. URL: <https://multikulturalizm.gov.az/ru/category/49/dokumenty-o-godovom-otchete.html>.
7. Jabarova, Sh., Abdiyeva, A., Berkinbekova, A. Multiculturalism and educational issues in Azerbaijan. *Труды Международной научно-практической конференции «XV Сагиновские чтения. Интеграция образования, науки и производства»*. Караганда, 2023, часть 1, 251–253. URL: <https://www.kstu.kz/wp-content/uploads/2023/06/Sbornik-2023-CHast-1.pdf>.

References

1. Kassirer, E. *Opyt o cheloveke* [An Experience About a Person]. Moscow: Gardarika, 1998.
2. Buber, M. *Ya i Ty* [Me and You]. Moscow: Respublika, 1993.
3. Levinas, E. *Total'nost' i beskonechnoe* [Totality and the Infinite]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000.
4. Gadamer, Kh.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Saint-Petersburg: Progress, 1988.
5. Banks, J. A. *Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum, and Teaching*. Pearson, 2019.
6. Bakinskii mezhdunarodnyi tsentr mul'tikul'turalizma. *Programmy i otchety o deyatel'nosti* [Baku International Multiculturalism Center. Programs and Activity Reports]. URL: <https://multikulturalizm.gov.az/ru/category/49/dokumenty-o-godovom-otchete.html>.
7. Jabarova, Sh., Abdiyeva, A., Berkinbekova, A. Multiculturalism and educational issues in Azerbaijan. *Trudy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "XV Saginovskie chteniya. Integratsiya obrazovaniya, nauki i proizvodstva"* [The Papers of the International Scientific and Practical Conference XV Saginovsky Readings. Integration of Education, Science, and Production]. Karaganda, 2023, part 1, 251–253. URL: <https://www.kstu.kz/wp-content/uploads/2023/06/Sbornik-2023-CHast-1.pdf>.

Ирина Стрелкова,
кандидат педагогических наук, доцент;
Республиканский институт
профессионального образования
(Беларусь)
irin-strelkova@yandex.ru

**ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ ДЛЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

В статье обосновывается необходимость трансформации подходов к подготовке педагогов в условиях современных вызовов. Автором доказывается, что традиционная подготовка оказывается недостаточной в новой образовательной реальности, характеризующейся культурной гетерогенностью обучающихся и изменением самой природы информации. В качестве ключевой компетенции, отвечающей на данные вызовы, рассматривается информационная культура педагога. На основе анализа научного ландшафта выявляются «белые пятна» в существующих исследованиях: игнорирование кросс-культурного аспекта информации и отставание от проблем, порождаемых генеративным искусственным интеллектом. Представлена авторская теоретическая модель информационной культуры педагога профессионального образования, адаптированная к новым условиям. Приведены практико-ориентированные примеры использования искусственного интеллекта как ресурса для кросс-культурного образования, включая преодоление языковых барьеров, персонализацию обучения и развитие критического мышления.

Ключевые слова: информационная культура; педагог профессионального образования; теоретическая модель информационной культуры; систематический обзор; научный ландшафт; кросс-культурное образование; генеративный искусственный интеллект.

Irina Strelkova,
PhD in Pedagogy, Associate Professor;
Republican Institute of Vocational Education
(Belarus)
[*irin-strelkova@yandex.ru*](mailto:irin-strelkova@yandex.ru)

TRAINING TEACHERS FOR CROSS-CULTURAL EDUCATION: A MODEL FOR THE FORMATION OF INFORMATION CULTURE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article substantiates the need to transform approaches to teacher training in the context of modern challenges. The author proves that traditional training is insufficient in the new educational reality, characterized by cultural heterogeneity of students and a change in the very nature of information. The information culture of the teacher is considered a key competence in responding to these challenges. Based on the analysis of the scientific landscape, ‘white spots’ in existing research are identified, such as ignoring the cross-cultural aspect of information and lagging behind the problems generated by generative artificial intelligence. The author’s theoretical model of the information culture of a professional education teacher, adapted to new conditions, is presented. Practice-oriented examples of using artificial intelligence as a resource for cross-cultural education are given.

Keywords: information culture; professional education teacher; theoretical model of information culture; systematic review; scientific landscape; cross-cultural education; generative artificial intelligence.

Современный этап развития общества характеризуется фундаментальными изменениями образовательной среды, происходящими под влиянием двух доминирующих сил – углубляющейся глобализации и стремительной цифровой трансформации, драйвером которой выступает генеративный искусственный интеллект (далее – ИИ). Эти процессы формируют принципиально новый ландшафт образования, в котором традиционные подходы к педагогической деятельности требуют кардинального переосмысления.

Прежде всего следует отметить, что глобализация и кросс-культурность привели к тому, что образовательная среда в настоящее время становится все более гетерогенной. Современный педагог работает не с «усредненным учеником», а с представителями разных культур, ценностей и информационных практик, что требует от него не только предметных знаний, но и глубокой культурной сенситивности, умения выстраивать эффективную межкультурную коммуникацию. Кроме того, развитие генеративного ИИ меняет саму природу информации: ИИ становится не просто новым инструментом, а новой «силой природы», которая меняет способы создания, распространения, потребления

информации и даже в какой-то мере размывает границы между фактом и вымыслом, оригинальностью и копией, что ставит перед системой образования беспрецедентные вызовы.

Эти изменения напрямую влияют на требования современного рынка труда, отраженные в перспективных моделях компетенций, и определяют запрос на специалистов, обладающих не только отраслевыми профессиональными компетенциями, но и развитыми цифровыми навыками (умение работать с технологиями генеративного ИИ, анализировать большие данные, обеспечивать кибербезопасность, соблюдать культуру управления интеллектуальной собственностью и др.) [1]. Происходит фундаментальная перестройка профессионального мышления и деятельности. Подготовка таких выпускников, особенно в системе профессионального образования с учетом роста его востребованности, невозможна без педагога, обладающего не просто набором разрозненных компетенций, а целостной, системно организованной информационной культурой, позволяющей действовать эффективно и этично в сложном цифровом и поликультурном мире [2, с. 54].

Информационная культура педагога профессионального образования – сложное системное многокомпонентное качество личности, отражающее ее готовность и способность эффективно и ответственно решать профессионально-педагогические задачи в условиях цифровой трансформации общества с учетом отраслевой специфики деятельности. Вместе с тем, это интегративная надпрофессиональная компетенция, отражающая синергию ценностей, знаний, умений и рефлексивных способностей педагога, которая позволяет ему продуктивно и этично действовать в поликультурной информационной среде, решать задачи отраслевой подготовки специалистов и проектировать собственное развитие в условиях вызовов цифровой эпохи.

Значительное усложнение профессиональной деятельности педагогических работников в условиях цифровой образовательной среды и современных вызовов, новый уровень возможностей профессиональной деятельности в информационном окружении, расширение международных профессиональных коммуникаций и сотрудничества в сфере образования, с одной стороны, и недостаток систематизированных данных, особенно по диссертационным исследованиям, посвященным проблеме формирования информационной культуры педагога профессионального образования, с другой стороны, требуют анализа научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей.

Использование *ScR*-методологии, реализованной в рамках публикационного стандарта *PRISMA* (*Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-*

Analyses extension for Scoping Reviews) [3, с. 221–222], позволило подготовить систематический обзор англоязычных, российских и белорусских докторских и кандидатских диссертаций, связанных с формированием информационной культуры педагога, и решить двойную задачу: проанализировать концептуальные направления исследований и практико-ориентированные подходы к реализации их целей и рассмотреть сам феномен в его междисциплинарном контексте. Уточним, что информационный поиск был проведен по ряду баз данных, включая *ProQuest Dissertations and Theses* (1990–2024), Диссертации Российской государственной библиотеки (2000–2025), Диссертации Национальной библиотеки Беларуси (2000–2025). Для повышения эффективности многоаспектного поиска использовались дискавери-сервис «НЕОПОИСК», система аутентификации удаленных пользователей электронных информационных ресурсов *MyLOFT* со встроенным поиском по *Google Scholar* и *Semantic Scholar*, профессиональная социальная сеть *ResearchGate*.

Анализ научного ландшафта, включающий систематический обзор 108 диссертаций, в том числе 68 зарубежных (англоязычных) докторских диссертаций, 36 российских (из них 10 докторских) и 4 белорусских (кандидатских) диссертаций, показал, что, несмотря на глубину проработки темы, связанной с информационной культурой педагога, существуют критические «белые пятна».

Игнорирование кросс-культурного аспекта информационной культуры. Большинство исследованных моделей информационной культуры рассматривают информацию как универсальную и объективную сущность. При этом не уделяется должного внимания тому факту, что процессы создания, интерпретации, оценки авторитетности источников и стили коммуникации глубоко культурно обусловлены [4, с. 99–111]. Традиционные подходы не готовят педагога к работе с информацией в поликультурной среде, где могут существовать различные культурные ценности и отношение к знанию.

Отставание от вызовов искусственного интеллекта. Классические модели информационной культуры сфокусированы на поиске, анализе и оценке информации, созданной человеком. Они не предлагают методологических решений для работы с контентом, сгенерированным ИИ, и не формируют у педагогов навыки противостояния новым цифровым угрозам, таким как *culturally-targeted deepfakes* (дипфейки, целенаправленно создаваемые для дискредитации или манипуляции представителями определенной культурной группы).

Таким образом, возникает противоречие между новыми реалиями образовательной практики и недостаточной теоретико-методической проработанностью подходов к формированию информационной культуры,

---

адекватной этим реалиям. Выход видится в целенаправленном формировании информационной культуры педагога профессионального образования, готовой к вызовам кросс-культурной среды и эпохи генеративного ИИ.

Следует отметить, что до настоящего времени в педагогической науке нет единого подхода к определению компонентного состава и содержания информационной культуры педагога. Наша авторская модель представляет собой теоретический конструкт, описывающий эталонное состояние информационной культуры педагога профессионального образования как результат ее целенаправленного формирования. Модель является многокомпонентной, отражающей различные аспекты личности и деятельности педагога профессионального образования, и многоуровневой, показывающей динамику развития информационной культуры как движение от базового освоения на *репродуктивном (адаптивном)* (низком) уровне к *продуктивному (алгоритмическому)* (среднему) уровню, затем к творческому преобразованию практики на *эвристическом продуктивном* (высоком) либо *творческо-исследовательском продуктивном* (очень высоком) уровнях.

Теоретическая модель информационной культуры педагога профессионального образования базируется на четырехкомпонентной структуре. Все компоненты модели находятся в тесной диалектической взаимосвязи: ценности и мотивы (ценностно-мотивационный компонент) определяют отбор и осмысление знаний (когнитивный компонент), которые, в свою очередь, реализуются в конкретных действиях (операционально-деятельностный компонент) и подвергаются постоянному анализу и переосмыслению (рефлексивно-прогностический компонент).

Ценностно-мотивационный компонент придает гуманистическую направленность информационной культуре педагога профессионального образования и отражает систему ценностных ориентаций, мотивов, профессиональных установок и потребностей педагога, определяющих его отношение к информации, информационной деятельности и своей роли в цифровом образовательном пространстве. В контексте вызовов кросс-культурной среды и эпохи генеративного ИИ данный компонент может включать в себя не только традиционные ценности (ответственность, академическая честность), но и культурную чувствительность – чуткость к культурным различиям обучающихся, а также этику использования генеративного ИИ в педагогической практике.

Когнитивный компонент является теоретическим фундаментом информационной культуры педагога профессионального образования и представляет собой систему теоретических и методических знаний, необходи-

---

мых для эффективной информационной деятельности в профессионально-педагогическом контексте. В контексте современных вызовов когнитивный компонент дополнен необходимостью овладения знаниями о культурных кодах в информации (как культура влияет на ее подачу и восприятие), а также о принципах работы, возможностях и ограничениях генеративного ИИ.

Операционально-деятельностный компонент характеризует владение педагогом способами и приемами информационной деятельности, его практическую готовность и способность применять свои знания и умения для решения конкретных профессионально-педагогических задач с помощью цифровых и ИИ-технологий в условиях специфики системы профессионального образования. В контексте современных вызовов данный компонент включает не только навыки поиска, но и компетенции в области межкультурной цифровой коммуникации, а также навыки педагогического проектирования с использованием генеративного ИИ как мощного образовательного ресурса.

Рефлексивно-прогностический компонент является наиболее сложным, поскольку отражает способность педагога профессионального образования к самоанализу, самооценке и проектированию траектории своего профессионального развития в области содержания информационной культуры и обеспечивает непрерывность процесса самосовершенствования. Поскольку одним из системообразующих элементов информационной культуры в современных условиях становится культура информационной безопасности [5], рефлексивно-прогностический компонент обязательно должен включать навык критической оценки ИИ-контента. Педагог должен уметь анализировать сгенерированную информацию, выявлять фейки, манипуляции и предвзятости, а также проектировать траекторию своего непрерывного профессионального совершенствования в меняющемся технологическом ландшафте.

Интеграция компетенций, связанных с генеративным ИИ, во все четыре компонента теоретической модели информационной культуры педагога профессионального образования позволяет рассматривать ИИ не только как вызов или угрозу, но и как мощнейший ресурс для кросс-культурного образования. Наше исследование показало, что практико-ориентированный подход к использованию ИИ-технологий может способствовать решению ряда сложных педагогических задач, в числе которых:

- *преодоление языковых барьеров*: использование инструментов синхронного перевода на базе генеративного ИИ для организации международных онлайн-проектов и эффективной коммуникации в мультикультурных группах;
- *персонализация обучения*: адаптация учебного контента и заданий с учетом

культурного бэкграунда, индивидуальных образовательных потребностей взрослых обучающихся и отраслевой специфики его профессиональной педагогической деятельности;

– *развитие критического мышления*: ИИ-технологии можно использовать в рамках программ повышения квалификации для создания слушателями (педагогами профессионального образования) уникальных учебных заданий (например, сгенерировать с помощью нейросети описание одного и того же исторического события с позиций разных культур, а затем проанализировать различия), такие задания будут способствовать формированию у обучающихся глубокого, многомерного взгляда на мир.

Предложенное наполнение теоретической модели информационной культуры педагога профессионального образования в контексте современных вызовов позволяет переосмыслить роль генеративного ИИ, смещая акцент с пассивной защиты от угроз на проактивное использование его дидактического потенциала.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд ключевых выводов. Во-первых, в условиях глобализации и стремительного развития технологий генеративного ИИ информационная культура как сложное многокомпонентное и многоаспектное понятие становится фактически синонимом профессионализма современного педагога. Во-вторых, ее эффективное формирование требует целостной, научно обоснованной методической системы, которая гармонично сочетает как технологические, так и гуманитарные (кросс-культурные) аспекты. Это подводит нас к пониманию новой миссии современного педагога, которая заключается не столько в передаче знаний, сколько в воспитании личностей, способных критически, этично и конструктивно взаимодействовать в сложной, многообразной и технологически насыщенной информационной среде. Предложенная модель информационной культуры является теоретической основой для реализации этой миссии. Разработанные подходы и практические примеры использования генеративного ИИ могут быть напрямую интегрированы в учебные программы повышения квалификации педагогов профессионального образования. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой целостной научно-методической системы формирования информационной культуры педагога профессионального образования на основе предложенной модели.

Список литературы

1. Гусаков, В. Г. Белорусская наука: современное состояние и задачи на перспективу. *Наука и инновации*, 2025, 2 (264), 3–10. URL: <https://innosfera.belnauka.by/jour/article/view/749/709>.

2. Стрелкова, И. Б. Информационная культура в образовании: научный ландшафт зарубежных исследований. *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*, 2025, 1, 51–68.

3. Кулакова, Е. Н., Настаушева, Т. Л., Кондратьева, М. В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoping review: история, теория и практика. *Вопросы современной педиатрии*, 2021, 20 (3), 210–222.

4. Белоконь, С. П., Ремарчук, В. Н., Смутьский С. В. [и др.]. *Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: монография*. Москва: Экон-Информ, 2023.

5. Стрелкова, И. Б. Культура информационной безопасности педагога профессионального образования: от анализа зарубежных исследований к обучению. *Профессиональное образование в условиях глобальных вызовов: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Минск, 1–2 октября 2025 г. Минск: РИПО, 2025, 293–297*. URL: <https://profbiblioteka.by/search/bookdata/view/83797/>.

References

1. Gusakov, V. G. Belorusskaya nauka: sovremennoe sostoyanie i zadachi na perspektivu [Belarusian Science: Current State and Challenges for the Future]. *Science and innovation*, 2025, 2 (264), 3–10. URL: <https://innosfera.belnauka.by/jour/article/view/749/709>.

2. Strelkova, I. B. Informatsionnaya kul'tura v obrazovanii: nauchnyi landshaft zarubezhnykh issledovaniy [Information Culture in Education: The Scientific Landscape of Foreign Research]. *Bulletin of Polessky State University. Series of Social Sciences and Humanities*, 2025, 1, 51–68.

3. Kulakova, E. N., Nastausheva, T. L., Kondrat'eva, M. V. Sistematischeskoe obzornoe issledovanie literatury po metodologii scoping review: istoriya, teoriya i praktika [A Systematic Review of the Literature on the Scoping Review Methodology: History, Theory and Practice]. *Issues of modern pediatrics*, 2021, 20 (3), 210–222.

4. Belokon', S. P., Remarchuk, V. N., Smul'skii S. V. [i dr.]. *Informatsionnaya analitika i informatsionno-analiticheskie tekhnologii v kontekste sotsial'nogo upravleniya: monografiya* [Information Analytics and Information and Analytical

---

Technologies in the Context of Social Management: A Monograph]. Moscow: Ekon-Inform, 2023.

5. Strelkova, I. B. Kul'tura informatsionnoi bezopasnosti pedagoga professional'nogo obrazovaniya: ot analiza zarubezhnykh issledovaniy k obucheniyu [Information Security Culture of a Professional Education Teacher: From the Analysis of Foreign Research to Training]. *Professional Education in the Context of Global Challenges: Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Minsk, 1–2 October 2025*. Minsk: RIVE, 2025, 293–297. URL: <https://profbiblioteka.by/search/bookdata/view/83797/>.

Севи́ль Багирова,
кандидат педагогических наук, доцент;
Бакинский славянский университет
(Азербайджан)
sevil.bagirova60@mail.ru

МОСТ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье анализируются современные подходы к обучению иностранному языку, сочетающие традиционные и инновационные методы. Рассматриваются основные преимущества и недостатки каждого подхода, а также возможности их гармоничной интеграции для повышения эффективности процесса обучения. Особое внимание уделяется коммуникативному подходу, использованию цифровых технологий, а также обучению на основе задач и проектов. В статье даются рекомендации по разработке сбалансированной методики, способствующей развитию всесторонней языковой компетенции и усиливающей мотивацию учащихся.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков; традиционные методы обучения; инновационные методы обучения; коммуникативный подход; цифровые технологии в образовании.

Sevil Bagirova,
PhD in Pedagogy, Associate Professor;
Baku Slavic University
(Azerbaijan)
sevil.bagirova60@mail.ru

THE BRIDGE BETWEEN TRADITION AND INNOVATION: MODERN METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

This article analyzes modern approaches to foreign language teaching that combine traditional and innovative methods. It examines the main advantages and disadvantages of each approach, as well as the possibilities of their harmonious integration to improve the effectiveness of the learning process. Special attention is given to the communicative approach, the use of digital technologies, and task- and project-based learning. The article provides recommendations for developing a balanced methodology that promotes comprehensive language competence and enhances learner motivation.

Keywords: methodology of teaching foreign languages; traditional teaching methods; innovative teaching methods; communicative approach; digital technologies in education.

Изучение иностранных языков всегда было важной частью образования, однако в последние годы интерес к этой сфере заметно усилился. Сегодня человеку недостаточно просто знать грамматику или переводить тексты – важно уметь использовать язык в живом общении, понимать культурные особенности и быть готовым к взаимодействию в разных ситуациях. Это требует от преподавателей пересмотра традиционных методов преподавания и внедрения инновационных стратегий.

Традиционные методики, такие как переводно-грамматический метод или работа с учебниками, продолжают использоваться и дают хорошие результаты, особенно при изучении базовой структуры языка. Однако у них есть и ограничения – прежде всего, это нехватка практики общения, однотипность заданий и слабая мотивация у студентов [1, с. 136]. На фоне этого активно развиваются современные подходы – например, коммуникативный подход, обучение через проекты или задачи, использование цифровых технологий. Эти изменения делают занятия более увлекательными, разнообразными и приближенными к реальным жизненным ситуациям. Онлайн-платформы, мобильные приложения, игровые элементы и даже искусственный интеллект все чаще становятся частью языкового курса. Тем не менее вопрос не в том, какой подход «лучше», а в том, как найти баланс. Не обязательно полностью отказываться от классических методов в пользу инноваций. Гораздо эффективнее объединить их сильные стороны – создать так называемый «мост» между проверенными практиками и новыми возможностями.

В данной статье исследуются возможности сочетания традиционных и современных методик обучения иностранным языкам, а также рассматриваются их сильные стороны и возможные трудности. В заключение представлены рекомендации по организации эффективного учебного процесса.

Традиционные методики преподавания языков формировались на протяжении многих десятилетий. Их основное отличие – ориентация на четкую структуру, последовательное усвоение правил и использование родного языка как посредника в обучении. Несмотря на появление более современных подходов, классические методы до сих пор широко применяются в образовательной практике, особенно на начальных этапах изучения языка.

Один из самых известных – переводно-грамматический метод. Он основан на изучении грамматических правил и их последующем применении в письменных упражнениях и переводе. Студенты читают тексты, переводят их на родной язык, заучивают слова, выполняют упражнения по шаблону [1, с. 89]. Преимущества

этого метода заключаются в его системности и логичности. Студенты постепенно осваивают структуру языка, учатся точно выражать мысли в письменной форме, обращают внимание на детали. Особенно полезен он для тех, кто предпочитает аналитический подход к обучению и стремится к четкому пониманию правил. Однако у метода есть и слабые стороны. В первую очередь – ограниченное внимание к развитию устной речи. Студенты-азербайджанцы, обучающиеся по такой системе, часто испытывают трудности в реальной коммуникации, поскольку мало практикуют говорение и слушание.

Прямой метод предполагает использование иностранного языка с самого начала обучения без перевода. Он возник как альтернатива переводно-грамматическому. Вся работа – объяснения, инструкции, задания – ведется исключительно на изучаемом языке. При этом активно используются визуальные материалы, мимика, жесты, примеры из контекста. Метод нацелен на создание у студента ощущения «погружения» в языковую среду. Он помогает эффективнее запоминать лексику и грамматические конструкции, а также развивать навыки говорения и аудирования. Безусловно, применение данного метода предполагает высокий уровень профессиональной подготовки преподавателя, а также требует существенных временных затрат на организацию занятий. Кроме того, он может вызывать трудности у студентов на начальном этапе обучения.

В середине XX века популярность приобрел аудиолингвальный метод. В его основе – многократное прослушивание и повторение речевых моделей. Считается, что через автоматизацию обучающиеся быстрее запоминают конструкции и могут применять их в речи [2]. Занятия обычно включают в себя диалоги, заучивание фраз, тренировку произношения, работу с аудио- и видеоматериалами. С помощью этого метода хорошо развиваются слуховое восприятие и произносительные навыки. Тем не менее и здесь есть ограничения. Так, студенты-азербайджанцы часто запоминают фразы механически, не всегда понимая их структуру и смысл. Помимо того, при отсутствии коммуникативного контекста такие знания быстро забываются.

В целом традиционные способы обучения иностранным языкам сохраняют довольно высокие позиции в рейтинге методических современных педагогов. Эти методы позволяют создать прочную базу, учат быть организованными и помогают лучше разобраться в языке. Важно понимать, что классические подходы могут быть эффективно использованы в сочетании с инновациями.

Современные способы преподавания иностранных языков формировались в другой образовательной реальности. Сегодня обучающиеся живут в мире

быстрых коммуникаций, открытого доступа к информации и цифровых технологий. Эти изменения требуют от преподавателей гибкости и готовности применять новые подходы, которые делают процесс изучения языка более живым и интересным [2, с. 112–126]. Актуальные методики обучения ориентированы на то, чтобы обучающиеся могли не только изучать язык, но и свободно применять его в повседневной практике.

Один из самых популярных и эффективных на сегодняшний день подходов – коммуникативный. Его основная идея – обучение через общение. На занятиях используются диалоги, дискуссии, ролевые игры, задачи, приближенные к реальным ситуациям [3]. Преподаватель выступает организатором, а студент – активным участником образовательного процесса. Ошибки рассматриваются как естественная часть обучения. Основное внимание уделяется развитию устной речи и пониманию услышанного. Этот подход особенно полезен на средних и продвинутых уровнях, когда необходимо преодолеть языковой барьер и научиться свободно выражать мысли. Обучение на основе задач делает акцент на выполнении практических заданий, которые имеют смысл и цель. Например, студенты могут спланировать поездку, провести интервью, подготовить презентацию или решить проблему [3, с. 76–92]. Главное здесь – не форма, а содержание. Обучающиеся вовлекаются в процесс, и язык становится инструментом для достижения цели. Это помогает развивать не только языковые, но и когнитивные, исследовательские и социальные навыки.

Еще один эффективный подход – это обучение через проекты, когда студенты работают над долгосрочными заданиями, создавая конечный продукт: статью, видео, блог, сайт и т. д. В процессе они взаимодействуют, исследуют, анализируют и представляют результат. Такой формат стимулирует самостоятельность, креативность, критическое мышление и умение работать вместе. Кроме того, он приближает учебные задачи к реальной жизни, делая обучение более осмысленным.

Использование цифровых технологий открыло огромные возможности для изучения языков. Онлайн-платформы предлагают интерактивные задания, отслеживание прогресса и индивидуальный подход. Мобильные приложения позволяют получать знания в любом месте и в любое время. Мультимедийные ресурсы – видеоуроки, подкасты, фильмы – погружают в аутентичную языковую среду. Геймификация превращает обучение в игру: студенты получают баллы, проходят уровни, соревнуются – что повышает мотивацию. Виртуальная реальность создает эффект погружения и позволяет «переместиться» в другую

языковую среду. Искусственный интеллект (ИИ) используется в чат-ботах, системах распознавания речи, персонализированном подборе заданий.

В условиях цифровизации все чаще применяется смешанное обучение, которое сочетает очные занятия с онлайн-форматами. Подобный подход обеспечивает интеграцию преимуществ традиционных и инновационных методов, объединяя личное взаимодействие с преподавателем и адаптивные возможности цифровой среды. Благодаря новым технологиям становится возможным персонализировать обучение в соответствии с уровнем подготовки, темпом и интересами каждого студента. Это усиливает мотивацию и способствует получению долгосрочных образовательных результатов.

Инновационные методы не исключают использования традиционных, а эффективно дополняют их, расширяя потенциал образовательного процесса. Эти методы делают обучение ориентированным на каждого студента, помогая учитывать личные потребности и уровень подготовки обучающихся. Однако для успешной реализации таких методов необходимы подготовленные преподаватели, техническая база и готовность к постоянному обновлению методического инструментария [2].

Для более глубокого понимания различий между подходами целесообразно провести сравнительный анализ традиционных и инновационных методов обучения иностранным языкам (см. таблицу).

Таблица – Критерии сравнения традиционных и инновационных методов обучения иностранным языкам

Критерий	Традиционные методы	Инновационные методы
<i>Основная цель</i>	Изучение грамматики, правил, перевод текстов	Развитие коммуникативных навыков и практическое применение языка
<i>Методы обучения</i>	Переводно-грамматический, аудиолингвальный, прямой	Коммуникативный подход, обучение через задачи и проекты, применение цифровых технологий
<i>Роль преподавателя</i>	Главный источник знаний, контролер усвоения правил	Помощник и организатор коммуникативной деятельности обучающихся
<i>Акцент в обучении</i>	Письменные упражнения, точность языка, грамматика	Устная речь, понимание на слух, взаимодействие

Продолжение таблицы

<i>Использование технологий</i>	Минимальное или отсутствует	Активное применение онлайн-ресурсов, приложений, мультимедиа
<i>Тип учебного материала</i>	Тексты, учебники, упражнения с фиксированными ответами	Аутентичные материалы, реальные ситуации, интерактивные задания
<i>Мотивация обучающихся</i>	Часто снижается из-за однообразия и формализма	Повышается благодаря разнообразию форм и интерактивности
<i>Обратная связь</i>	Четкая, основанная на правильности выполнения заданий	Гибкая, поддерживающая, направленная на развитие коммуникативных навыков
<i>Развитие навыков</i>	Преимущественно чтение и письмо	Говорение, аудирование, межкультурная компетентность
<i>Ограничения</i>	Недостаток практики живого общения, устаревшие формы	Требует высокой квалификации преподавателей и технической поддержки

Традиционные методы хорошо подходят для формирования базовых знаний и систематического изучения языка, но менее эффективны для развития устной речи и коммуникативных умений. В свою очередь, инновационные подходы способствуют активному вовлечению студентов в образовательную коммуникацию, стимулируют мотивированность и интерес к изучению языка. Оптимальным решением становится комбинирование методов с учетом конкретных целей и особенностей обучающихся.

Таблица позволяет наглядно представить основные различия между традиционными и инновационными методами обучения иностранным языкам. Традиционные методы делают упор на изучение грамматических конструкций, языковых структур и выполнение заданий письменного характера. Они формируют у обучающихся системное понимание языка, но часто недостаточно работают на развитие способности к устному взаимодействию. При этом роль преподавателя сводится к функции основного источника информации и строгого контролера.

Современные подходы, напротив, ориентированы на развитие практических коммуникативных умений. Здесь преподаватель выполняет скорее функцию организатора и помощника; обучающиеся вовлекаются в процесс через

диалоги, игровые форматы и проектную деятельность. Интеграция цифровых инструментов в процесс обучения усиливает вовлеченность обучающихся и способствует росту учебной мотивации [4].

Достижение эффективных результатов возможно при рациональном сочетании обеих систем. Базовые знания, полученные при использовании традиционных методов, формируют прочную основу для комплекса языковых умений, а инновационные элементы обеспечивают активное применение языка в реальных ситуациях и развитие гибких навыков общения. Чтобы сделать процесс изучения иностранного языка максимально результативным, в образовательной практике рекомендуется:

– *комбинировать теорию и практику*, использовать грамматические упражнения и работу с текстами для закрепления правил, но обязательно дополнять их заданиями на устную речь, диалоги и проекты;

– *внедрять цифровые технологии постепенно*: не нужно сразу отказываться от привычных материалов, необходимо добавлять онлайн-ресурсы, приложения и мультимедийные материалы по мере адаптации студентов и преподавателей;

– *использовать подход «погружения»*: интегрировать в уроки элементы прямого метода – применять наглядные и аудиоматериалы для создания естественной языковой атмосферы;

– *разнообразить формы контроля знаний*: помимо традиционных тестов и письменных работ, можно использовать устные опросы, презентации, проекты и самооценку;

– *работать над мотивацией обучающихся*: применять игровые элементы, групповые задания и интересные темы;

– *обеспечивать обратную связь, ориентированную на развитие*, помочь студентам видеть ошибки как часть процесса обучения, а не как повод для критики;

– *обучать и поддерживать преподавателей*: важно, чтобы педагоги имели доступ к тренингам по новым методикам и технологиям и могли обмениваться опытом [1].

Интеграция традиционных и инновационных методов обучения открывает возможности для разработки более гибких и мотивирующих моделей обучения, соответствующих требованиям современного образования. Для достижения наилучших результатов важно создавать «мост» между традицией и инновацией, используя их преимущества в зависимости от целей, уровня и интересов студентов, а также возможностей образовательного учреждения.

Список литературы

1. Куликов, В. В. *Методика преподавания иностранных языков*. Санкт-Петербург: Питер, 2018.
2. Иванова, Н. С. *Инновационные технологии в обучении иностранным языкам*. Москва: Академия, 2019.
3. Морозова, Л. Н. *Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам: теория и практика*. Москва: Владос, 2022.
4. Кузнецова, И. В. *Современные методы обучения иностранным языкам*. Москва: Просвещение, 2020.

References

1. Kulikov, V. V. *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Methods of Teaching Foreign Languages]. St. Petersburg: Piter, 2018.
2. Ivanova, N. S. *Innovatsionnye tekhnologii v obuchenii inostrannym yazykam* [Innovative Technologies in Teaching Foreign Languages]. Moscow: Akademiya., 2019.
3. Morozova, L. N. *Kommunikativnyi podkhod v obuchenii inostrannym yazykam: teoriya i praktika* [The Communicative Approach in Teaching Foreign Languages: Theory and Practice]. Moscow: Vlados, 2022.
4. Kuznetsova, I. V. *Sovremennye metody obucheniya inostrannym yazykam* [Modern Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow: Prosveshchenie, 2020.

*Ирина Гуцко,
Мозырский государственный
педагогический университет
имени И.П. Шамякина
(Беларусь)
gutsko.i@yandex.by*

*Екатерина Гавриловец,
Мозырский государственный
педагогический университет
имени И.П. Шамякина
(Беларусь)
stevolirvag@gmail.com*

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

В статье представлены основные положения теоретического обоснования и методического структурирования лингвокультурологического подхода, ориентированного на изучение иностранного языка как ключа к пониманию национального менталитета. В основе работы лежит синтез положений лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации. Методический аппарат строится на принципах контрастивного анализа, работе с аутентичными дискурсами и проектно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход; лингвокультурная компетенция; межкультурная коммуникация; интеграция языка и культуры; языковая картина мира; концепты культуры.

Irina Gutsko,
*Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakin
(Belarus)*
gutsko.i@yandex.by

Ekaterina Gavrilovets,
*Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakin
(Belarus)*
stevolirvag@gmail.com

LANGUAGE LEARNING THROUGH THE LENS OF NATIONAL MENTALITY

The article presents the main provisions of the theoretical substantiation and methodological structuring of the linguistic and cultural approach focused on learning a foreign language as a key to understanding the national mentality. The work is based on a synthesis of the principles of linguoculturology, cognitive linguistics, and the theory of intercultural communication. The methodological framework is built on the principles of contrastive analysis, work with authentic discourses, and project-based research activities.

Keywords: linguoculturological approach; linguocultural competence; intercultural communication; integration of language and culture; linguistic worldview; cultural concepts.

В современной лингводидактике наблюдается смещение фокуса внимания с усвоения языковой системы на понимание культурных и ментальных основ, которые эту систему порождают. Изучение иностранного языка через призму национального менталитета представляет собой углубленную трактовку лингвокультурологического подхода, где язык рассматривается не просто как отражение культуры, а как ключ к глубинным структурам мышления, ценностным архетипам и моделям восприятия мира, характерным для того или иного народа. В отличие от традиционного страноведения, этот подход ставит во главу угла аналитическую деконструкцию языковых явлений для выявления лежащих в их основе ментальных установок. Актуальность такого подхода обусловлена задачами подготовки обучающихся к межкультурному диалогу, который требует не только языковой правильности, но и когнитивной и эмоциональной эмпатии. Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и методическое

структурирование подхода к изучению языка как проекции национального менталитета, а также представление авторской модели интеграции этого подхода в образовательный процесс.

Национальный менталитет понимается как устойчивая совокупность психологических, интеллектуальных и эмоциональных особенностей, исторически сложившаяся у представителей определенной нации и влияющая на восприятие, мышление и поведение ее представителей. Основным материальным носителем и инструментом трансляции менталитета выступает язык. Гипотеза о взаимосвязи языка и мышления имеет прикладное педагогическое значение. Теоретической базой лингвокультурологического подхода служит синтез когнитивной лингвистики и культурологии, акцентирующий внимание на том, как языковые структуры организуют знание и опыт, и исследующий воплощенные в языке культурные концепты. В образовательном контексте наиболее продуктивным является межкультурный подход, который не ограничивается пассивным усвоением культурологических фактов, а развивает способность к сопоставлению, анализу и рефлексии над различиями в языковой картине мира обучаемого и носителя целевого языка. Это позволяет преодолеть этноцентрическую позицию и сформировать позицию, необходимую для эффективной межкультурной коммуникации.

Национальный менталитет проявляется в языке на различных уровнях.

Концептосфера языка: центральные для культуры понятия (например, *тоска* в русском языке, *fairness* – в английском, *Ordnung* – в немецком), вокруг которых выстраиваются синонимические ряды, фразеология и дискурсивные практики. Анализ таких концептов раскрывает иерархию ценностей нации.

Грамматический строй и синтаксис: категории, обязательные или, наоборот, отсутствующие в языке, несут информацию о ментальных акцентах. Например, развитая система артиклей может указывать на внимание к степени определенности объекта, а свободный порядок слов в славянских языках – на гибкость в акцентировании смыслов.

Безэквивалентная и коннотативная лексика: слова, обозначающие уникальные культурные реалии (*авось, гонимик, Schadenfreude, hygge*), а также слова с культурно-обусловленными оценочными значениями, являются прямыми индикаторами специфического опыта и отношения [3].

Дискурсивные формулы и речевые жанры: стандартные модели построения высказываний (например, структура академического эссе, формула извинения,

---

жанр тоста) отражают принятые в обществе нормы логики, вежливости и социального взаимодействия.

Паремнологический фонд и прецедентные тексты: пословицы, поговорки, крылатые выражения и цитаты из классических произведений хранят в концентрированном виде архетипические сценарии поведения и народную мудрость.

Невербальные и паравербальные компоненты: интонация, темп речи, принятая дистанция общения, жестикация несут огромный пласт информации о культурных нормах эмоциональной выразительности и понимании личного пространства.

Интеграция аспекта национального менталитета в обучение требует особой организации учебного процесса. Предлагаемая нами модульная система основана на взаимодействии ряда ключевых компонентов.

1. *Принцип контрастивного анализа:* систематическое сопоставление языковых явлений и их ментальных основ в родном и изучаемом языках. Например, сравнение концептов, отсылающих к идее свободы (англ. *liberty vs freedom*, рус. *воля vs свобода*), анализ различий в построении аргументации в академическом письме и др.

2. *Работа с аутентичными дискурсами:* использование неадаптированных текстов разных жанров (художественная литература, публицистика, блоги, кино, реклама) как лаборатории для наблюдения за функционированием ментальных стереотипов в естественном контексте.

3. *Проектно-исследовательская деятельность:* организация долгосрочных исследований, таких как «Речевой портрет представителя нации», «Отражение исторических событий в языковых клише», «Сравнительный анализ юмора в двух лингвокультурах», позволяющих развивать аналитические и обобщающие навыки обучающихся.

4. *Моделирование коммуникативных ситуаций с когнитивной рефлексией:* ролевые игры и тематические исследования, где успешность коммуникации оценивается не только по формальным критериям, но и по способности участников прогнозировать и интерпретировать реакцию виртуального собеседника, исходя из знаний о его ментальных особенностях [4].

Сопоставление традиционного и предлагаемого нами подходов представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Сопоставление традиционного и менталитето-ориентированного подходов в обучении языку

Аспект	Традиционный подход	Подход через призму национального менталитета
<i>Основная цель</i>	Формирование языковых навыков и коммуникативной компетенции	Формирование межкультурной когнитивной компетенции (понимание «чужого» мышления)
<i>Единица обучения</i>	Лексическая единица, грамматическое правило, речевая функция	Языковой концепт, дискурсивная модель, коммуникативный сценарий с анализом их ментальных оснований
<i>Роль родного языка</i>	Часто минимизируется, чтобы создать «языковую среду»	Используется как система отсчета для контрастивного анализа и глубокого осмысления различий
<i>Контроль результата</i>	Проверка правильности, беглости, соответствия ситуации	Оценка способности адекватно интерпретировать высказывание / текст и строить поведение с учетом ментальной специфики

Научная новизна нашего исследования заключается в систематизации и педагогической адаптации лингвокультурологических и когнитивных теорий применительно к задаче целенаправленного изучения национального менталитета через язык. Структурно-содержательная модель представляет как последовательность этапов работы (от идентификации явления к его контрастивному анализу и рефлексивной оценке), так и конкретные методические инструменты для реализации ключевых идей подхода.

Практическая значимость исследования подтверждается результатами апробации предлагаемой модели в учебном процессе, которые позволяют говорить о том, что у обучающихся, работавших по данной методике наблюдается:

– более глубокое понимание внутренней логики изучаемого языка, ведущее к снижению числа ошибок, вызванных интерференцией мышления;

- повышение мотивации и интереса к языку как к «живой системе», раскрывающей психологию народа;
- развитие гибкости в коммуникации и способности избегать культурно-обусловленных конфликтов и недопониманий.

Это доказывает, что предлагаемый подход способствует не только лингвистическому, но и интеллектуальному и личностному развитию учащихся, позволяет эффективнее готовить их к сложному взаимодействию в поликультурном мире [1].

В рамках представления методической составляющей исследования предлагается комплекс упражнений «Ментальный код языка», предназначенный для формирования лингвокультурной компетенции на продвинутом этапе обучения (уровни B2, C1). Концептуальная рамка комплекса: цель – переход от понимания культурных фактов к деконструкции ментальных установок через анализ языковых репрезентантов.

Представленный в таблице 2 комплекс упражнений для формирования лингвокультурологической (межкультурной) компетенции структурирован по трем ключевым блокам. Он направлен на поэтапное формирование у учащихся умения анализировать и интерпретировать языковые явления как отражение культурного менталитета.

Таблица 2 – Комплекс упражнений для формирования лингвокультурологической (межкультурной) компетенции на разных уровнях языка

Блок	Название упражнения	Краткое описание	Цель (формируемая компетенция)	Методическая основа
Лексико-фразеологический	«Концепт под микроскопом»	Сопоставительный анализ пары концептов (<i>privacy / личное пространство</i>) с использованием Национального корпуса русского языка и корпуса целевого языка. Задания: найти частотные коллокации, определить оценочные коннотации, выявить культурные сценарии использования	Умение анализировать ключевые культурные концепты как стемообразующие элементы менталитета	Контрастивный анализ концептосферы; работа с аутентичными дискурсами

Продолжение таблицы 2

<p><i>Дискурсивно-прагматический</i></p>	<p>«Сценарий неудачи: извинение vs оправдание»</p>	<p>Анализ аутентичных текстов-извинений (публичные речи, соцсети) в двух культурах. Учащиеся выделяют структурные компоненты, степень ответственности, языковые формулы, затем в ролевой игре создают и реализуют собственный дискурсивный сценарий</p>	<p>Развитие способности распознавать и строить коммуникативные сценарии в соответствии с ментальными нормами целевой культуры</p>	<p>Анализ дискурсивных формул; моделирование ситуаций с когнитивной рефлексией</p>
<p><i>Проектно-исследовательский</i></p>	<p>«Миграция идиомы»</p>	<p>Групповой проект по исследованию пути идиомы (например, «сбросить с парохода современности», <i>'cancel culture'</i>) из одного дискурса в другой (художественный → медийный → повседневный) с помощью корпусных инструментов</p>	<p>Формирование навыков исследовательской деятельности и глубокого анализа трансформации культурных смыслов в языке</p>	<p>Проектно-исследовательская деятельность; работа с аутентичными дискурсами</p>

В качестве примера разберем упражнение «Концепт под микроскопом» (на примере *fairness / справедливость*).

Этап 1. Индукция (фокус на форме и содержании).

Задание: группы получают подборку аутентичных текстов (новости, судебные отчеты, бытовые диалоги) с высокой концентрацией целевых слов. Используется метод *'input flood + focus on form'*: учащиеся отмечают все вхождения слов и их грамматическое окружение.

Цель: наращивание частотности встреч с концептом и первичное осмысление его связей.

Этап 2. Контрастивный анализ (когнитивная рефлексия).

Задание: учащиеся заполняют сравнительную таблицу, используя данные корпусов русского и английского языков.

Контрастивный анализ ключевых культурных концептов является основным методом для выявления особенностей национального менталитета, репрезентированных в языке. В качестве иллюстрации данного метода рассмотрим сопоставление концептом *fairness* и *справедливость*. Несмотря на частичное лексическое соответствие, их системные связи, типичные контексты употребления и смысловые акценты существенно различаются, что отражает глубинные различия в культурных приоритетах и моделях мышления. Сравнение по ключевым лингвокультурологическим параметрам представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Культурно-обусловленные различия в репрезентации концептов *fairness* и *справедливость*

Критерий	<i>Fairness</i>	Справедливость
<i>Типичные коллокации</i>	<i>fair play, fair trial, fair distribution</i>	социальная справедливость, чувство справедливости, искать справедливости
<i>Субъект действия</i>	система, правила, процесс	человек, общество, государство
<i>Область применения</i>	процедура, соревнование, договор	мораль, распределение благ, возмездие

Цель: перевести анализ с языкового на ментальный уровень, выдвигая гипотезы (например, *fairness* рассматривается как некая беспристрастность, а *справедливость* – как моральный итог и состояние).

Этап 3. «Подталкиваемый вывод» и верификация (*pushed output*):

Задание: сформулировать и представить краткий аналитический вывод («Ментальный портрет концепта») на целевом языке, затем проверить гипотезы, изучая статьи по межкультурной психологии и менеджменту.

Цель: закрепить понимание через создание собственного аналитического высказывания и выйти за пределы чисто лингвистического анализа.

Ожидаемый педагогический результат: реализация данного комплекса упражнений будет способствовать переходу учащихся от пассивного знания культурных фактов к активному владению метаязыком лингвокультурологического анализа. Они не просто узнают, что *fairness* важен для англоговорящих, а начинают понимать, как именно этот приоритет процедурной беспристрастности

воплощен в языке и как он влияет на логику аргументации и поведения. Это напрямую ведет к формированию так называемого третьего взгляда – метапозиции, необходимой для подлинной межкультурной коммуникации.

Изучение иностранного языка через призму национального менталитета представляет собой логичное и необходимое развитие лингвокультурологической парадигмы в образовании. Этот подход позволяет преодолеть поверхностное восприятие чужой культуры и дает обучающимся инструмент для проникновения в систему ценностей и мыслительных паттернов, стоящих за языковыми формами [1].

Представленные в статье результаты исследования демонстрируют высокий методический потенциал такого подхода [3]. Его внедрение способствует достижению главной цели современного иноязычного образования – воспитанию межкультурной личности, способной не просто общаться на другом языке, но и мыслить в категориях иной культуры, сохраняя при этом свою собственную идентичность. Дальнейшие исследования могут быть связаны с разработкой дифференцированных методик для различных языковых пар и цифровых инструментов, привлекаемых для сопоставительного анализа менталитетов в кросс-культурном аспекте.

Список литературы

1. Воробьев, В. В., Скнарев, Д. С., Тагаев, М. Д. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы. *Русистика*, 2025, том 23, 1, 7–21.
2. Зыкова, И. В. Новые пути развития русских авангардных идиом: корпусный подход. *Русистика*, 2025, том 23, 1, 22–43.
3. Абдужалилов, М. Г. Лингвокультурологический подход к изучению языковых явлений. *Лингвистический спектр*, 2024, 4, 44–52.
4. *Основы современного языкознания: программа дисциплины (2024/2025 учебный год)*; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/ba/lang/courses/916891264.html>.

References

1. Vorob'ev, V. V., Sknarev, D. S., Tagaev, M. D. Kommunikativnaya lingvokul'turologiya: istoki, problemy, perspektivy [Communicative Linguoculturology: Origins, Problems, and Prospects]. *Russian Studies*, 2025, volume 23, 1, 7–21.

---

2. Zykova, I. V. Novye puti razvitiya russkikh avangardnykh idiom: korpusnyi podkhod [New Ways of Developing Russian Avant-garde Idioms: A Corpus Approach]. *Russian Studies*, 2025, volume 23, 1, 22–43.

3. Abduzhalilov, M. G. Lingvokul'turologicheskii podkhod k izucheniyu yazykovykh yavlenii [Linguistic and Cultural Approach to the Study of Linguistic Phenomena]. *Linguistic Spectrum*, 2024, 4, 44–52.

4. *Osnovy sovremennogo yazykoznaniya: programma distsipliny (2024/2025 uchebnyi god)* [Fundamentals of Modern Linguistics: the discipline program (2024/2025 academic year)]; National Research University Higher School of Economics. URL: <https://www.hse.ru/ba/lang/courses/916891264.html>.

CULTURAL STUDIES
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 299.52:726.13

Дарья Гульченко,
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
[*dashahulchanko@gmail.com*](mailto:dashahulchanko@gmail.com)

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА СИНТОИСТСКОГО СВЯТИЛИЩА
МУНАКАТА-ТАЙСЯ НА ОСТРОВЕ КЮСЮ**

Мунаката-тайся – одно из древнейших и наиболее почитаемых синтоистских святилищ Японии, которое включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В статье рассматриваются предпосылки формирования культа божеств Мунаката-тайся. Зарождение культа трех богинь Мунаката описано в древнейших японских письменных памятниках «Кодзики» и «Нихонсёки». Традиции Мунаката стали продолжением и развитием древнего культа в честь морских божеств, почитаемых в прибрежных районах Японии. Стратегическое положение Кюсю и Окиносимы на международных морских путях, а также роль клана Мунаката в политике и торговле, его связи с центральным аппаратом Ямато, взаимодействие с кланами, прибывшими с материка, способствовали формированию и распространению культа трех богинь Мунаката как на острове Кюсю, так и за его пределами.

Ключевые слова: Кюсю; Мунаката-тайся; синто; Окиносима; ками; миф; ритуал.

Darya Gulchenko,
Belarusian State University
(Belarus)
[*dashahulchanko@gmail.com*](mailto:dashahulchanko@gmail.com)

**THE FORMATION OF THE SHINTO CULT
OF MUNAKATA TAISHA SHRINE ON KYUSHU ISLAND**

Munakata Taisha is one of the oldest and most revered Shinto shrines in Japan, which is included in the UNESCO World Heritage List. The article discusses the prerequisites for the formation of the cult of the Munakata-taisha deities. The origin of the cult of the three Munakata goddesses is described in the oldest Japanese written monuments, *Kojiki* and *Nihonseki*. The Munakata traditions became a continuation and development of the ancient cult in honor of the sea deities revered in the coastal

---

regions of Japan. The strategic position of Kyushu and Okinoshima on international shipping routes, as well as the role of the Munakata clan in politics and trade, its connections with the Yamato central office, and interaction with clans arriving from the mainland contributed to the formation and spread of the cult of the three Munakata goddesses both on the island of Kyushu and beyond.

Keywords: Kyushu; Munakata Taisha; Shinto; Okinoshima; kami; myth; ritual.

Остров Кюсю является самым юго-западным крупным островом Японии, он считается местом зарождения японской цивилизации. Географическое положение острова способствовало развитию многогранных связей и контактов с древними государствами Китая и Кореи.

Мунаката-тайся (宗像大社) – одно из древнейших и наиболее почитаемых синтоистских святилищ Японии. Интерес к данному объекту заметно возрос благодаря включению острова Окиносима, на котором расположена одна из частей сакрального комплекса, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это придало памятнику статус значимого культурного и религиозного объекта международного уровня.

Развитию и религиозно-политическому значению Мунаката-тайся посвящен широкий спектр научных трудов. Корпус соответствующих материалов включает археологические отчеты, труды по истории и религии, мифологические тексты, современные интерпретации мифоэпической традиции, предложенные в японской, российской и западной научных школах. Японские исследователи Цуда Сокити, Ода Фудзио, Акуи Наганори, Сада Сигэру, Сигэфудзи Теруюки, Камэи Киттиро представляют наиболее подробный пласт научной литературы, позволяющий реконструировать археологический контекст развития культа Мунаката, структуру ритуальных практик на острове Окиносима и особенности внешнеполитических контактов региона в период раннего государства Ямато. Российские исследователи Е. К. Симонова-Гудзенко, С. В. Капранов, Л. М. Ермакова, А. М. Дулина, Д. А. Суровень рассматривают культуру Мунаката в контексте мифологии и системы синтоистских представлений о мире. Западные японоведы К. Блэкер, Дж. Л. Барнс, Д. Т. Бялок, Дж. Бест анализируют Мунаката-тайся как феномен политической и ритуальной организации раннего японского общества. Работы этих авторов освещают роль периферийных культовых центров в процессе становления государства, функционирование мифа как инструмента власти и особенности морской ориентированности раннеяпонских политических структур.

Целью нашего исследования является анализ Мунаката-тайся как воплощения синтоистской модели мира, осмысление его значения в политической, социальной и религиозной сферах государства Ямато.

Мифологические своды о божествах Мунаката. Миф о происхождении божеств святилища Мунаката-тайся, объясняющий их связь с морем, «авторитет» среди местного населения, а также значение в качестве защитниц государства доносят до нас древнейшие письменные памятники Японии. В «Кодзики» (古事記, «Записи о деяниях древности») описывается, как богиня Аматаэрасу разломала меч Сусаноо и родила из него трех богинь [1]. В «Нихонсёки» (日本書紀, «Анналы Японии») приводится следующий вариант мифа: «Тогда Аматаэрасу-опо-ками попросила у Сусаново-но микото его меч длиной в десять кулаков, разломала его на три части, погрузила в Ама-но манави, Священный Колодец Неба, и омыла там, потом положила в рот и с грохотом разжевала. Богиня, родившаяся из тумана ее выдыхов, была наименована Такори-пимэ. Следом [родилась] Тагиту-пимэ. Затем – Ита-кисима-пимэ. Всего три [божества] женского пола» [2]. В этом же тексте указывается, что «трем богиням, которые родились от богини Солнца, велено было спуститься на остров Уса-но сима в Срединной Стране Тростниковых Равнин. Ныне пребывают они на дороге, что к северу от моря, и именуются благородными хозяевами дороги. Это божества, которым поклоняются Минума-но кими в Тукуси и другие» [2]. Связь мифологии с происхождением значимого рода свидетельствует о космологичности устанавливавшейся в то время государственности на японских островах.

Названный в «Нихонсёки» остров Уса-но сима – это остров Уса (宇佐島), находящийся в префектуре Оита на юго-западе острова Кюсю. В «Сёку нихонги» (続日本紀, «Продолжение анналов Японии», 797) Уса упоминается как центр древнего культа Хатимана (八幡) [3]. Однако некоторые исследователи считают, что Уса-но сима – мифический остров в акватории северного Кюсю [4]. «Дорога, что к северу от моря» является прямым намеком на морской путь, проходящий вдоль северного побережья Кюсю. В «Нихонсёки» именно так обозначается коридор между Японией и Кореей [2, с. 54].

Словом *Тукуси* (筑紫) раньше называли непосредственно северную часть острова Кюсю. Это территория современных префектур Фукуока, Сага, Нагасаки, частично Кумамото и Оита. На наш взгляд, речь в тексте идет о сакрализации конкретного участка морского пространства и примыкающей к нему территории северного Кюсю, который в архаический период воспринимался как «зона перехода» между внутренним миром Ямато и внешними землями

Корейского полуострова. Данные, содержащиеся в «Нихонсёки», позволяют говорить о формировании устойчивого представления о морском коридоре как о пространстве, требующем постоянной ритуальной защиты и надзора со стороны божеств. Именно в этом контексте функции трех богинь Мунаката выходят далеко за пределы локального культа и приобретают интеррегиональный характер, отражая морскую направленность политических и экономических связей раннего японского государства. Важным аспектом является то, что божествам приписывается защита не только морских путей, но и самого «государственного порядка» *кокутай* (国体), поскольку через северные маршруты острова Кюсю проходили корабли с посольскими миссиями и товарами, что способствовало укреплению власти правящей династии. Миф о рождении богинь стоит трактовать как результат складывания целой системы морской религиозности, где каждая из трех богинь воплощает силы, управляющие стихиями, которые обеспечивали безопасность плавания. Кроме того, в повествовательной логике ранних хроник ритуал «выдувания» или «рождения из тумана» подчеркивает связь этих богинь с предельными состояниями природы – сменой ветра, видимости, водой, туманом, то есть теми факторами, которые напрямую определяли возможность передвижения по морю [4].

Причины распространения культа Мунаката. Возникновение ритуального пространства сначала на Окиносиме, а позже и на Кюсю, по-видимому, во многом было обусловлено формированием религиозной системы, сопровождавшей становление японского государства. Однако, принимая во внимание географическое положение этого места, служащего воротами из Японии на Корейский полуостров, необходимо учитывать и укрепление системы морской торговли: поставка стратегических материалов, особенно железа, с Корейского полуострова, японского кедра из Японии. Понятно, почему прилагались максимальные усилия для обеспечения безопасной морской торговли.

Примерно в V и VI веках политическая элита и торговцы Японии начали уделять особое внимание религиозным ритуалам, обеспечивающим благополучное возвращение торговых судов. Для предотвращения кораблекрушений они начали проводить масштабные ритуалы на Окиносиме. По словам Джини Барнс, понимание того, почему люди начали молиться здесь о безопасном плавании и процветании страны, может дать ключ к исторической оценке святилища [5].

Название святилища связано с древнейшим и влиятельнейшим местным кланом. Древний клан Мунаката (宗像) выступал хранителем культа, а также важным посредником между центральной властью Ямато и племенами

северного Кюсю. Клан происходит из региона современного города Мунаката префектуры Фукуока, где находится центральный комплекс Мунаката-тайся. В государственных хрониках роль Мунаката определяется достаточно ясно. В «Нихонсёки» представители клана выступают как «благородные хозяева пути», чья миссия состояла в обеспечении безопасного прохода посольств и караванов, направляющихся в Корею или возвращавшихся обратно. Их власть имела ярко выраженный сакральный характер: именно они считались земными потомками трех богинь. Это обеспечивало роду особый статус в раннем государстве. Археологические находки на острове Окиносима, включающие престижные корейские и китайские предметы, свидетельствуют о ведущей роли клана в международном обмене и дипломатии. Эти подношения V–IX веков демонстрируют не только богатство и дальность контактов, но и устойчивую сакральную традицию, передаваемую по линии Мунаката [6].

Распространению культа способствовали и другие кланы. На острове Окиносима было обнаружено значительное количество артефактов, демонстрирующих ярко выраженные черты «культуры иммигрантов» [7]. В исторической литературе традиционно предполагается, что эти артефакты связаны с кланом Хата (秦氏), который, как считается, прибыл в Японию в V–VI веках с Корейского полуострова и принес культуру шелководства, ткачества и земледелия, что значительно повлияло на развитие страны в данный период. Представители клана Хата нередко становились чиновниками при дворе Ямато. Несмотря на свой вклад в распространение буддизма, члены клана способствовали строительству и синтоистских святилищ, почитали местных божеств, были активными меценатами храмовой архитектуры.

У. У. Фэррис пишет, что клан Хата пригласил и поместил *Цукуси Мунэгата Идзутюбу-но-Оками* в святилище Мацуо-ся (松尾社) в провинции Ямасиро, что соответствует региону современного Киото [8]. *Цукуси Мунэгата Идзутюбу-но-Оками* – это божество, связанное с морской навигацией и почитавшееся в местности под названием Цукуси (современная префектура Фукуока). Среди влиятельных родов того времени перенос почитаемых божеств в связи с переселением на новые земли был распространенной практикой. В статье приводятся соответствующие свидетельства о смешении кланов Мунаката и Хата. Несмотря на разное этническое происхождение оба, клана ассоциируются с контролем над водными путями. В период Хэйан (794–1185) существовала и тенденция создания знатными родами собственных генеалогий, возводящих их происхождение к древним божествам. Таким образом, клан Хата в целях

адаптации на новом месте приписал себе родство с древними родами Кюсю, включая клан Мунаката, как одним из древнейших и почитаемых родов Ямато [8].

Анализ мифологических и историко-археологических источников показывает, что святилища и культовые практики на Кюсю и в регионе Ямасиро были тесно связаны с деятельностью влиятельных родов, в частности, Мунаката и Хата. Клан Мунаката, как древнейший местный род, выполнял функции хранителей культа морских божеств и посредников между центральной властью Ямато и северным Кюсю, контролируя морские пути и международные контакты. Клан Хата, пришедший из континентальной части Азии, способствовал переносу и распространению культов, адаптировал свое происхождение, связывая себя с местными родами, включая Мунаката. Перенос божеств и учреждение святилищ, таких как Мацуо-ся, демонстрирует процессы культурного и религиозного синтеза: объединение местной традиции с принесенными иммигрантскими культурами, а также формирование новых родовых мифологий и генеалогий для укрепления социального и политического положения. Таким образом, взаимодействие кланов иллюстрирует типичную для ранней Японии культуру интеграции мифологии, религии и политической власти. Клановые использовали культовые структуры как инструмент легитимации, а смешение синтоистских и буддийских элементов позволило сформировать устойчивые культурные и сакральные системы, укрепляющие контроль над стратегически важными территориями и водными путями.

История формирования комплекса Мунаката-тайся. Мунаката-Окиносима состоит из восьми частей, но в его окрестностях расположены еще несколько связанных с ним мест. Например, стоянка Такума Исихата (拓磨石畑), курганы Цуядзаки (津屋崎古墳), Цуядзаки Сэнкэн (津屋崎千件), Сакуракё (桜峽) и святилище Орихата (折畑神社) демонстрируют деятельность клана Мунаката и местных мореплавателей в периоды Яёй и Кофун (с 300 года до н.э. до VII века). Кроме того, в районах, удаленных от Мунаката, разбросаны многочисленные руины, курганы и ритуальные места, свидетельствующие о наличии морских обменов между Японией, Кореей и Китаем. Примерами служат стоянки Хараноцудзи (原の辻) на острове Ики (современная префектура Нагасаки), Мицунэ (満根) на острове Цусима, Ныкто, Вандо и Чунмак-дон на Корейском полуострове, курганы вдоль реки Ёнсан и стоянка Хёнпори на острове Уллын в Японском море. Подтверждением морских обменов можно считать и наличие одинаковых рыболовных снастей периода Дзёмон (13000 год до н.э. – 300 год н.э.) в Японии и на Корейском полуострове. Затонувшие корабли и другие предметы, поднятые со дна моря, размещаются и экспонируются в

музеех Китая и Кореи. Курганы вдоль побережья внутреннего Японского моря и на отдаленных островах являются усыпальницами морских вождей и выступают ориентирами, видимыми с моря [9].

Непосредственно Мунаката-тайся представляет собой комплекс, состоящий из трех святынь. Одна из них расположена на острове Окиносима в Японском море между островами Цусима и Осима. Постоянно здесь проживает только священник-смотритель. На острове находится святилище *Окицу-гу*, а сам остров в синтоизме считается воплощением богини Оки-цусима-химэ-но микото – Девы-Богини Островов в открытом море. Несмотря на древность культа, здание святилища было построено лишь в XVII веке. В 1932 году была произведена реконструкция, после которой никаких изменений в архитектуру святилища больше не вносилось. Окицу-гу является одним из наименее посещаемых святилищ страны ввиду удаленности острова Окиносима. Важным является и тот факт, что на остров допускаются лишь паломники-мужчины со строгим ограничением не более двухсот человек за один год. Для того, чтобы попасть на остров, нужно совершить обряд ритуального омовения *мисоги* (禊), который проходит 27 мая ежегодно. Эта дата установлена в честь памяти моряков, погибших в Цусимском сражении во время Русско-японской войны. Для исследователей остров открыли лишь в 1950-е годы.

В святилище *Накацу-гу*, расположенном на острове Осима, поклоняются Такицу-химэ-но микото – Деве-Богине Водопадов. В *Хэцу-гу* на острове Кюсю почитают Итикисима-химэ-но микото – Деву-Богиню Причалов.

Архитектурный стиль святилищ является вполне традиционным, но Окицу-гу отличается тем, что там нет обычных в синтоизме храмовых зданий. Ритуалы и обряды проводятся прямо на земле, у скал и на берегу моря, так как остров Окиносима сам изначально воспринимается как воплощение богини Оки-цусима-химэ-но микото или *синтай* 神体 (буквально ‘тело божества’). Архитектурные структуры минимальны и включают в себя *сайдан* (祭壇) – небольшие ритуальные алтари из дерева и небольшую постройку в стиле *синмэйдзукури* (神明造), древних амбарных строений.

Святилище *Накацу-гу*, наоборот, характеризуется развитостью храмовой архитектуры. Основными элементами являются *хондэн* (本殿) – главное святилище, где «покоится» божество, *хэйдэн* (幣殿) – зал подношений, *хайдэн* (拜殿) – зал поклонения. Так как святилище находится на острове, где постоянно контактирует с морской стихией, архитектура приспособлена к влажному климату: здания стоят на свайных основаниях из кипариса японского, крыши с большими свесами для защиты от дождей и сильной влажности. На территории

святилища расположены павильон для ритуальных танцев *кагурадэн* (神楽殿) и специальная платформенная площадка для проведения служб под названием *сайдзё* (齋場).

Святилище Хэцу-гу на острове Кюсю представляет собой классический крупный синтоистский храмовый ансамбль, состоящий из *хондэн*, *хайдэн*, сцены для ритуальных танцев *маидоно* (舞殿), зала для индивидуальных молитв *китодэн* (祈祷殿) и сокровищницы музея, где выставлены ритуальные предметы, найденные на Окиносима. Внутренний дворик окружен забором *тамагаки* (玉垣). Крыши зданий комплекса украшены массивными декоративными коньками *чиги* (千木) и *кацуоги* (鯉木), изысканной лаковой отделкой, большим количеством резьбы и золоченых элементов. Это связано с тем, что именно в Хэцу-гу координируются ритуалы, которые проводят на Окиносима, совершаются значимые церемонии, большие праздники, хранятся ритуальные регалии. На примере трех святилищ четко просматривается переход от *синтай* к Накацу-гу как переходной зоне и Хэцу-гу как развитому храмовому комплексу [10].

Имеющиеся данные из письменных источников, материальные свидетельства, современные этнографические факты говорят о долгом пути формирования и функционирования культа, связанного с одним из самых почитаемых святилищ Японии – Мунаката-тайся. Факторы, лежащие в его основе, с одной стороны, связаны с местными религиозными представлениями о мире, с другой – обусловлены целями и задачами развивающегося государства Ямато. Стратегическое положение Кюсю и Окиносимы на международных морских путях, посредничество между Мунаката и центральным аппаратом власти Ямато, симбиоз с иммигрантскими кланами способствовал формированию и распространению культа трех богинь Мунаката как на острове Кюсю, так и за его пределами.

Культ божеств святилища Мунаката-тайся обоснован в официальных сводах «Кодзики» и «Нихонсёки», создание которых было санкционировано двором. Рассказ о рождении трех богинь в результате божественного акта Аматаэрасу и Сусаноо, их покровительство влиятельному местному роду свидетельствует о значении религиозных представлений для устанавливавшейся государственности на японских островах.

Главным местом почитания богинь стало святилище Мунаката-тайся. Его мифологическая и легендарная история, религиозные ритуалы, архитектурное решение представляют яркий пример воплощения синтоистского видения мира, демонстрируя, что поддержание чистоты, гармонии и структурного баланса во взаимодействии человека и божественного является фундаментальной предпосылкой устойчивости мироздания. В наше время местные жители и

путешественники посещают святилища, чтобы помолиться о благоприятном пути, безопасном дорожном движении. Здесь проводятся и фестивали, характерные исключительно для острова Кюсю: морские парады, праздник хризантем.

Список литературы

1. *Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й*. Санкт-Петербург: ШАР, 1994.
2. *Нихон сёки – Анналы Японии: в 2 томах*. Санкт-Петербург: Гиперион, 1997.
3. Дулина, А. М. Проблема генезиса культа божества Хатиман в японской историографии. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*, 2012, 4, 58–69.
4. 津田, 左右吉. *神代史の研究*. 東京: 岩波書店, 1913 (= Цуда Сокичи. Исследование истории эпохи богов. Токио: Издательство «Иванами сётэн», 1913).
5. Barnes, Gina. L. *State Formation in Japan: Emergence of a 4th–6th Century Ruling Elite*. Durham: Durham University, 2007.
6. *The Goddesses' Shrine Family: the Munakata through the Kamakura Era*. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/server/api/core/bitstreams/d6d4597e-9020-46d3-8c9c-5d5faaab76dc/content>.
7. 「神宿る島」宗像・沖ノ島と関連遺産群. 福岡: 特別研究事業 成果報告書, 2019 (= «Остров, где обитают божества»: Мунаката, Окиносима и связанные с ними объекты наследия. Фукуока: Отчет о результатах специального исследовательского проекта, 2019).
8. Farris, W. W. *Population, Disease, and Land in Early Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 1985.
9. Sung-hwa Hong. A Study on the Ancient Route to the Southwestern Sea—Focused on the Relationship Between Korea and Japan. *Sogang Journal of Early Korean History*, 2021, volume 39, 9–54.
10. 亀井, 輝一郎. *古代の宗像氏と宗像信仰*. 東京: 角川書店, 1964 (= Камэи Киитиро. Древний род Мунаката и культ Мунаката. Токио: Издательство «Кадокава сётэн», 1964).

References

1. *Kodziki – Zapisi o deyaniyakh drevnosti: Svitki 2-i i 3-i* [Kojiki—Records of Ancient Things: Scrolls 2 and 3]. St. Petersburg: SHAR, 1994.
2. *Nihon seki – Annaly Yaponii: v 2 tomakh* [Nihon Shoki—Annals of Japan: in 2 volumes]. St. Petersburg: Hyperion, 1997.

-
3. Dulina, A. M. Problema genezisa kul'ta bozhestva Khatiman v yaponskoi istoriografii [The Problem of the Genesis of the Cult of the Deity Hachiman in Japanese Historiography]. Moscow: *Bulletin of the Moscow University, Series 13, Oriental Studies*, 2012, 4, 58–69.
  4. 津田, 左右吉. 神代史の研究. 東京: 岩波書店, 1913 (= Tsuda Sokichi. Research on the History of the Age of the Gods. Tokyo: Iwanami Shoten, 1913).
  5. Barnes, Gina. L. *State Formation in Japan: Emergence of a 4th–6th Century Ruling Elite*. Durham: Durham University, 2007.
  6. *The Goddesses' Shrine Family: the Munakata through the Kamakura Era*. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/server/api/core/bitstreams/d6d4597e-9020-46d3-8c9c-5d5faaab76dc/content>.
  7. 「神宿る島」宗像・沖ノ島と関連遺産群. 福岡: 特別研究事業 成果報告書, 2019 (= 'The Island Where the Deities Reside': Munakata, Okinoshima, and Related Heritage Properties. Fukuoka: Special Research Project Results Report, 2019).
  8. Farris, W. W. *Population, Disease, and Land in Early Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 1985.
  9. Sung-hwa Hong. A Study on the Ancient Route to the Southwestern Sea—Focused on the Relationship Between Korea and Japan. *Sogang Journal of Early Korean History*, 2021, volume 39, 9–54.
  10. 亀井, 輝一郎. 古代の宗像氏と宗像信仰. 東京: 角川書店, 1964 (= Kamei Kiichiro. The Ancient Munakata Family and the Munakata Cult. Tokyo: Kadokawa Shoten Publishing House, 1964).

PHILOLOGY

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09(510:476)(091)''19'':930.25

Николай Трус,
кандидат филологических наук, доцент;
Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси
(Беларусь)
miktrus@tut.by

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ НАЧАЛА XX ВЕКА: АРХИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В статье рассматривается история первых переводов новелл Ляо Чжая на белорусский язык, их публикаций в периодической печати и в формате отдельных оттисков. В фокусе внимания находятся материалы фонда старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, позволяющие фактографически восполнить важный этап кросс-культурных коммуникаций периода становления белорусской литературно-художественной классики.

Ключевые слова: Василий Алексеев; Павел Берков; «Наша Ніва»; художественный перевод; рецепция; издательский дискурс; архивно-поисковая деятельность.

Mikalai Trus,
PhD in Philology, Associate Professor;
Yakub Kolas Central Scientific Library
of the National Academy of Sciences of Belarus
(Belarus)
miktrus@tut.by

CHINESE-BELARUSIAN LITERARY DIALOGUE OF THE EARLY 20TH CENTURY: ARCHIVAL RECONSTRUCTION

The article examines the history of the first translations of Liao Zhai's novellas into Belarusian, their publication in periodicals, and in the form of individual prints. The focus is on materials from the collection of early printed publications and manuscripts of the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, which make it possible to factually replenish an important stage of cross-cultural communications during the period of formation of Belarusian literary and artistic classics.

Keywords: Vasily Alekseev; Pavel Berkov; *Nasha Niva*; literary translation; reception; publishing discourse; archival research activities.

Имя литературоведа Павла Беркова (1896–1969) имеет важное значение для Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНБ НАН Беларуси). После смерти ученого весомая часть его книжного собрания (свыше 12 тыс. единиц) и рукописного наследия поступила на постоянное хранение из Ленинграда в Минск, была оформлена в отдельную коллекцию, представляющую особый интерес для исследователей. Многие издания являются раритетными, имеют свою примечательную историю предыдущих владений, содержат дарственные надписи. Начиная с 2011 года, на базе ЦНБ НАН Беларуси проводятся международные научные конференции – «Берковские чтения».

О Василии Алексееве (1881–1951), также находящемся в фокусе нашего внимания, П. Берков, лично знакомый с ученым и получивший биографические сведения непосредственно от него, писал:

«Выдающийся советский китаевед В. М. Алексеев окончил в 1902 году факультет восточных языков Петербургского университета и вскоре – в 1904 году – выдержал экзамен на степень магистра китайской словесности. С 1906 по 1909 год В. М. Алексеев провел в Пекине, где на китайском языке преподавал в университете русский язык. Пребывание в Китае и последовавшие позже две поездки в Пекин дали покойному ученому возможность приобрести исключительную эрудицию во всех областях китаеведения. В Пекине В. М. Алексеев начал собирать свою прославленную коллекцию китайских народных картинок. Среди них особенную ценность представляли иллюстрации к наиболее популярным произведениям китайских классиков.

В 1909 году В. М. Алексеев был утвержден в звании приват-доцента Петербургского университета. С 1918 года он занимал кафедру китайской филологии Петроградского университета, в 1923 году его избирают в члены-корреспонденты Академии Наук СССР, а 12 января 1929 года в действительные члены» [1, л. 1].

П. Берковым были также охарактеризованы научные и художественные предпочтения коллеги-востоковеда:

«Предметом особенных увлечений В. М. Алексеева на протяжении всей его жизни был знаменитый в китайской литературе сборник XVIII века “Тысяча рассказов” писателя-классика Пу Сун-Лина, выступавшего под псевдонимом Ляо Чжай (1622–1715). Из этого большого собрания полуфантастических, полуреалистических рассказов в старокитайском вкусе В. М. Алексеев перевел значительное число и издал отдельными книгами: “Лисьи чары” (Пбг., 1922), “Лисье царство” (сб. “Восток”, вып. 1), “Монахи-волишебники” (Пер., 1923), “Странные истории” (Лгр., 1927), “Рассказы о людях необычайных” (Л.-М., 1937 и 1954) и др.» [1, л. 3].

В богатом книжном собрании П. Беркова имеется несколько экземпляров, содержащих дарственные надписи В. Алексеева, адресованные

фондообразователю. Например, на издании «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследование. (С приложением китайских текстов)» (Петроград, 1916):

«Дорогому Коллеге, сих дел знатоку и эрудиту, – Павлу Наумовичу Беркову с величайшим усердием (и запозданием) подношу сей опус незрелый, пожелавший таковым стать 30 лет тому назад.

В. Алексеев, автор книги 1916 года – в 1947 г. 10 апр. в Л-де <Ленинграде>».

Еще один дарственный инскрипт, ориентированный на издательскую ретроспективу, содержится в книге «О китайском храме» (Санкт-Петербург, 1911):

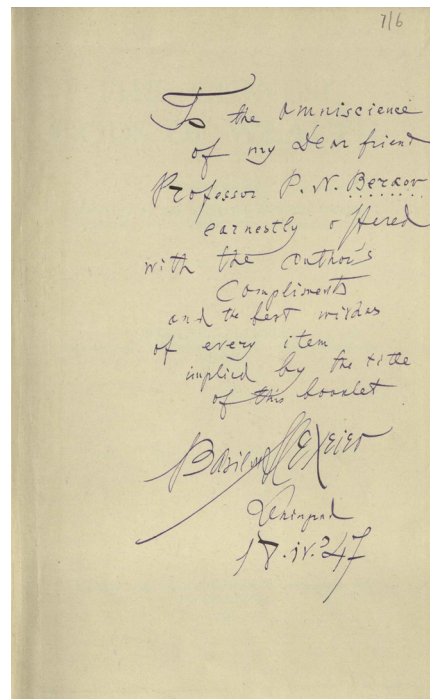
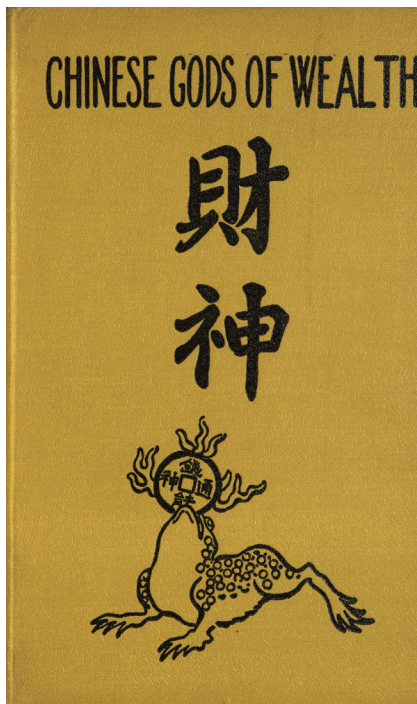
«Дела давно минувших дней,

Не “ветхих” дней, а лишь минувших.

Дорогому Павлу Наумовичу Беркову

С приветом 30-летнего автора. В. А.».

В примечательной книжной подборке китайской тематики имеются также подписанные издания В. Алексеева, вышедшие на французском и английском языках (рисунки 1–2).

Рис. 1–2. Книга Василия Алексеева «Китайские боги богатства» (Лондон, 1928) с дарственной надписью, адресованной Павлу Беркову. Из фондов Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси

Fig. 1–2. Vasily Alekseyev’s book *Chinese Gods of Wealth* (London, 1928) with a dedication addressed to Pavel Berkov. From the collection of the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus

Судя по содержанию дарственных надписей, встреча двух ученых, состоявшаяся в Ленинграде в 1947 году, была щедрой на книжные подарки, творческой и весьма дружеской.

Отправной точкой наших архивно-аналитических изысканий стало знакомство со статьей П. Беркова «Первые переводы с китайского языка на белорусский», опубликованной в журнале «Беларусь» (1954, № 10). Неброский текст без иллюстративного сопровождения занимает примерно четвертую часть последней страницы периодического издания с традиционной рубрикой «Новые книги».

Вплоть до наших дней статья не замечалась специалистами, можно предполагать, по причине отношения советской историографии к явлениям культурной жизни времен Российской империи. Тем не менее, в неброской журнальной публикации 1954 года был заложен большой исследовательский потенциал, абсолютно проигнорированный в свое время.

В журнальной статье «Первые переводы с китайского языка на белорусский» представлено общее описание переводов двух новелл Пу Сунлина (Ляо Чжэя), выполненных специально для газеты «Наша Ніва» (рисунок 3) приват-доцентом В. Алексеевым и опубликованных в №№ 23/24, 28 за 1910 год: «Даос с гор Лао» [2, с. 5–8], «Игра мечом в подводном царстве» [3, с. 7–9]. Подытоживая свой текст, автор акцентировал внимание на следующем (перевод с белорусского): «...выдающийся русский китаевед среди других заслуг перед наукой и культурой имеет еще и ту заслугу, что он участвовал в развитии белорусской литературы и обогатил ее своими первыми переводами с китайского языка» [4, с. 30].

Рис. 3. Первая страница белорусской газеты «Наша Ніва» (латинский вариант). 1910 г., № 28

Fig. 3. The front page of the Belarusian newspaper *Nasha Niva* (Latin version). 1910, issue 28

В контексте творческого наследия самого автора, крайне мало печатавшегося в белорусских периодических изданиях, статья занимает достаточно приметное место. Публикация не затерялась и была включена в книгу «Павел Наумович Берков (1896–1969)» (1982), вышедшую под эгидой Академии наук СССР со вступительной статьей академика Дмитрия Лихачева [5, с. 86].

В фонде № 41 «Журнал “Беларусь” и другие» старопечатных изданий и рукописей академической библиотеки нами выявлена машинопись с рукописными правками статьи профессора П. Беркова – полнотекстовый русскоязычный прототип публикации 1954 года (6 листов, окончание отсутствует) [1, л. 1–6]. Уже само аутентичное название, содержащее подзаголовок, указывает на куда более масштабные замыслы автора: «Первые белорусские переводы с китайского языка. (К истории газеты “Наша Ніва”)». Сравнение с текстом, опубликованном в журнале «Беларусь» (1954, № 10), однозначно указывает на архивные материалы как первоисточник, сильно сокращенный и переведенный на белорусский язык специально для журнала.

Далее мы идем путем архивной реконструкции первоначального видения П. Берковым публикаций 1910 года. Относительно переводного текста новеллы «Даос с гор Лао» П. Берков высказал ряд наблюдений. Прежде всего, сосредоточил внимание на замечаниях, размещенных до и после художественного произведения, сохраняя при этом особенности газетного написания периода отсутствия белорусских грамматик и, соответственно, интуитивной кодификации литературного языка, проводимой стараниями редакции периодического издания: «Для “Нашай Нівы” с кітайскай мовы перэклау прыват-доцэнт В. Алексеев». Автор заметил:

«Эти слова являются несомненным свидетельством того, что В. М. Алексеев, отличавшийся исключительной способностью к усвоению языков, действительно перевел новеллы Ляо-Чжэя на белорусский язык.

Очевидно, переводчику принадлежало и небольшое вступление, пояснявшее, что “Даос – гэта манах веры Дао” и что “Дао – філосафская навука аб Усесьветнай Душы”. Гэтае апаведаньне узята з старо кітайскіх кніг “Тысячы апаведаньнёў” (Лао-Чжэй-Чжы-і”), пісаных у канцы 17 стагодзьдзя кітайскім вучоным з правінцыі Шан-Дунь, Пу-Сунлін”.

Сказка эта представляет историю студента Вана, пожелавшего учиться у святого монаха и оказавшегося неспособным выдержать наложенный на него искусы и за то наказанного.

Редакция сочла нужным сопроводить перевод китайской сказки своим примечанием, в котором писала: “Гэта кітайская казка не такая простая, як можа каму здаецца. Рэдакцыя просіць чытачоў добра над ёй падумаць і напісаць нам, хто як яе зразумеў, што гэтай казкай кітайцы хочуць паказаць, чы німа ў Евангеліі падобнай думкі? Наймудрэішы і найлепшы атказ будзе надрукаваны у “Нашай Ніве”.

Однако отклика предложение редакции у читателей не встретил» [1, л. 5–6].

Относительно публикации новеллы «Игра мечом в подводном царстве» (рисунок 4) П. Берковым высказаны следующие наблюдения:

«Вскоре, в № 28 “Нашей Нивы” был напечатан перевод второй сказки из того же сборника, “Гулянья мячам у подводным царстві”. В этой сказке повествуется о приключениях некоего Ван-Шы Сіу, бывшего, как и его утонувший отец, прекрасным игроком в мяч. Через 8 лет после смерти отца Ван-Шы Сіу должен был поехать в район озера Дун-Тхін. Здесь лунной ночью он был свидетелем игры в мяч каких-то выходцев из озера. Прислуживал им его покойный отец. Во время игры мяч упал в челн Вана, и последний “не стрываў <...> і піхнуў яго нагой з усіх сіл”. Это привело к ряду дальнейших фантастических приключений Вана, в том числе и беседе с отцом, который сообщил ему: “Я не памёр: нас утапілося 20 чэлаvek, з іх 19 зьелі вадзянікі, а мяне за тое, што я добра гуляў у мяч, пакінулі жывым”.

Публикуя этот перевод, В. М. Алексеев приложил к нему воспроизведение народной картинки из своего собрания; на ней изображен эпизод из той же сказки. Эта иллюстрация была также...» [1, л. 6].

Далее машинописный текст статьи обрывается. Неизвестно, сколько страниц, важных сведений и наблюдений утеряно.

Рис. 4. Китайский народный рисунок – иллюстрация к белорусскому переводу Василия Алексеева новеллы Ляо Чжая «Игра мечом в подводном царстве». «Наша Нива». 1910 г., № 28

Fig. 4. A Chinese folk painting, the illustration for Vasily Alekseyev’s Belarusian translation of Liao Zhai’s novella ‘Swordplay in the Underwater Kingdom’. *Nasha Niva*, 1910, issue 28

Поистине сенсационным является следующая констатация П. Беркова:

«В моем небольшом собрании материалов по белорусской литературе сохраняются два редчайшие издания (выделено нами – Н.Т.), представляющие, насколько мне известно, первые белорусские переводы с китайского языка и в то же время первые в истории белорусского книгопечатания отдельные оттиски (выделено нами – Н.Т.).

Это два листка с текстом с обеих сторон. Первый листок размером 31x18,5 см. имеет заглавие “Адбітка з газэты “Нашай Нівы” № 23-24 1910 г. Даос з гор Лао”; в конце его указано: “Для “Нашай Нівы” с кітайскай мовы перэклау Прыват-доцэнт В. Алексеев. М. Карльсбэрг, Віленская <г>уб., Вілейскаго пав.»; внизу под чертой отмечено: “Друкарня Марціна Кухты, Дварцавая, д. № 4”. Второй листок, поменьше размером (27x15,75), озаглавлен: “Адбітка з газэты “Нашай Нівы” № 28 1910 г. Гульня мячам у падводным царстві (Кітайская казка с “Тысячы апаведаннёў – Лао-Дзай-Дзы”; в конце находится указание: “Для “НН” перэклау с кітайскаго прыват-доцэнт Алексееў. Карльсбэрг, Вілейск. пав.”; типографія – та же, что и в первом листке. Второй листок получен был мною в 1947 году в подарок от покойного действительного члена Академии Наук СССР Василия Михайловича Алексева (1881–1951), первый – в 1954 году от Н. М. Алексеевой» [1, л. 1].

Исследователем было особо подчеркнуто: «В “Нашей Ніве” и в оттиске под иллюстрацией есть подпись: “Орыгінальны рысунак с кітайскім надпісам да гэтай казкі”» (рисунок 4) [1, л. 6]. Архиважность свидетельств авторитетного библиографа и книговеда заключается в том, что оттиски переводов доселе неизвестны ученым, не значатся ни в «Летописи белорусской печати. Часть II. 1835–1916» (1929) [6], ни в сводном каталоге «Книга Беларуси. 1517–1917» (1986) [7]. Они носят беспрецедентный характер по своему издательскому формату и жанровой представленности (художественная литература). К сожалению, выявить оттиски пока не удалось, но их детальное библиографическое описание, сделанное специалистом, позволяет включить две новые позиции в справочную литературу по истории белорусских переводов китайской классики (первый зафиксированный случай) национального издательского дела начала XX века.

При этом остается невыясненным следующее обстоятельство. В 1910 году газета «Наша Ніва» выходила в двух графических вариантах – кириллическом и латинском. По всей видимости, П. Берков имел в своем распоряжении первый из названных, что можно констатировать и в отношении газеты, и применительно к оттискам. Возможно, белорусские переводы китайских новелл были также напечатаны в двух графических системах.

История появления переводов и оттисков была представлена П. Беркову из устных пояснений академика Алексева, подкреплена собственными библиографическими разысканиями ученого:

«Летний свой отдых в 1910 году В. М. Алексеев проводил в Вилейском уезде Виленской губ. <ернии> на даче; тогда же он познакомился с членами редакции газеты “Наша нива”.

Живой, общительный, чрезвычайно интересный и остроумный собеседник, В. М. Алексеев обладал изумительной способностью увлекать слушателей своими рассказами о Китае и китайской культуре.

В его образной, яркой и в то же время точной речи старый Китай с его глубоко самобытной, мудрой и чрезвычайно человеческой национальной спецификой вставал как живое и обаятельное явление мировой истории. Беседы с В. М. Алексеевым, длившиеся иногда часами, превращались в его блестящие монологи, в целые лекции, сверкающие остроумием и насыщенные фактическим материалом и тонкими обобщениями. Кому хоть раз приходилось бывать в чудесной квартире-музее В. М. Алексеева или, по крайней мере, слышать его увлекательные импровизации, тот на всю жизнь сохранял память об этом изумительном человеке и приобретал интерес к его любимому Китаю.

Заинтересовал он своими рассказами и белорусских писателей, группировавшихся вокруг “Нашей Нивы”, и они предложили ему напечатать кое-что из китайских авторов» [1, л. 3–4].

В газетной публикации указано конкретное место, где В. Алексеевым в 1910 году были сделаны эксклюзивные переводы для белорусского периодического издания – Карлсберг (сейчас это Минский район). Имение, разрушенное во время Первой мировой войны, принадлежало Андрею Снитко (1866–1922), археологу, этнографу, краеведу.

Эксклюзивные переводы двух текстов китайской литературной классики на белорусский язык сыграли свою немаловажную роль в научной карьере известного востоковеда. В «Списке ученых трудов проф. В. М. Алексеева», опубликованном в «Записках об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года» (Ленинград, 1930), значатся 85 позиций. Первый переводческий опыт уже состоявшегося академика отражен под № 4: «(Цзун шу сань чжу). “Три пальмы”, стихотворение Лермонтова, перевод на китайский язык, в сотрудничестве с Ван Аньланем. Перевод ритмическим размером Лю Дабэня. Пекин, 1909, 1 лист» [8, с. 4].

Искомые объекты нашего внимания зафиксированы с сохранением (не последовательным) аутентичного белорусского правописания начала XX века: «12) Гульня мячам у падводным царстві (Кітайская казка с тысячы апаведаньеу Ляо Чжай Чжы и). “Наша Ніва”, 1910, № 28. 13) Даос з гор Лао. Там же, № 23–24» [8, с. 5].

Филолог-востоковед Николай Федоренко во вступительном слове к книге Пу Сунлина «Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных» (1988) кратко характеризовал жизненный и творческий путь, литературные предпочтения своего учителя, выделил основные вехи: «Вряд ли будет преувеличением сказать, что наиболее прочной “переводческой” любовью замечательного ученого

оказался Пу Сунлин (Ляо Чжай). Первые две его новеллы в переводе В. М. Алексеева появились еще в 1910 году...» [9, с. 3]. При этом автором вступительного слова не было уточнено, что дебютные художественные интерпретации состоялись не на русском, а на белорусском языке.

Таким образом, наша работа с архивными материалами позволила:

- 1) выявить рукопись статьи П. Беркова, раскрывающую некоторые аспекты кросс-культурных коммуникаций начала XX века;
- 2) представить обстоятельства возникновения эксклюзивных белорусских переводов В. Алексеева двух произведений китайской литературной классики;
- 3) информационно приумножить сведения о белорусской издательской практике начала XX века, связанной с первым примером в истории белорусско-китайского литературного диалога, осуществленным, что особенно примечательно, без языкового посредничества.

Список литературы

1. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). *Фонд 41. Опись 1. Единица хранения 265.*
2. Пу-Сунлін. Даос з гор Лао; пераклад з кітайскай В. Аляксеева. *Наша Ніва, 1910, 23 чэрвеня.*
3. Гульня мячам у падводным царстве (Кітайская казка з тысячы апавяданняў Ляо Чжай Чжы і); пераклад В. Аляксеева. *Наша Ніва, 1910, 21 ліпеня.*
4. Беркоў, П. Н. Першыя пераклады з кітайскай мовы на беларускую. *Беларусь, 1954, 10, 30.*
5. *Павел Наумовіч Берков (1896–1969) / сост. Р. И. Кузьменко, Н. Д. Кочетковой.* Москва: Наука, 1982.
6. *Летапіс беларускага друку. Частка II. Паасобныя выданні на беларускай мове (з дадаткам прапрамацый і адозваў 1863 і 1905 г.). 1835–1916 гг.* Мінск: Выданне Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі, 1929.
7. *Кніга Беларусі. 1517–1917: Зводны каталог / Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У. І. Леніна, БелСЭ; склад. Г. Я. Галенчанка і інш.* Мінск: БелСЭ, 1986.
8. *Список ученых трудов проф. В. М. Алексеева. Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года.* Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1930, 4–10.
9. Федоренко, Н. Т. От составителя. *Пу Сунлин (Ляо Чжай). Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных.* Москва: Правда, 1988, 3–4.

References

1. Tsentral'naya nauchnaya biblioteka imeni Yakuba Kolasa Natsional'noi akademii nauk Belarusi (TsNB NAN Belarusi) [Central Scientific Library named after Yakub Kolas of the National Academy of Sciences of Belarus]. *Foundation 41. Inventory 1. Unit of storage 265*.
2. Pu-Sunlin. Daos z gor Lao; peraklad z kitajskaj V. Aljakseeva [Taoist from the Lao Mountains; translated from Chinese by V. Alekseev]. *Nasha Niva*, 23 June 1910.
3. Gul'nja mjacham u padvodnym carstve (Kitajskaja kazka z tysjachy apavjadannjaw Ljao Chzhaj Chzhy i); peraklad V. Aljakseeva [Sword Play in the Underwater Kingdom (a Chinese Fairy Tale from a Thousand Stories by Liao Zhai Zhiyi); translated by V. Alekseev]. *Nasha Niva*, 21 July 1910.
4. Berkow, P. N. *Pershyja peraklady z kitajskaj movy na belaruskuju* [The First Translations from Chinese into Belarusian]. Belarus, 1954, 10, 30.
5. *Pavel Naumovich Berkov (1896–1969) / sost. R. I. Kuz'menko, N. D. Kochetkovi* [Pavel Naumovich Berkov (1896–1969) / comp. R. I. Kuzmenko, N. D. Kochetkova]. Moscow: Nauka, 1982.
6. *Letapis belaruskaga druku. Chastka II. Paasobnyja vydanni na belaruskaj move (Z datatkam praklamacyj i adozvaw 1863 i 1905 g.). 1835–1916 gg.* [The Chronicle of the Belarusian Press. Part II. Separate editions in the Belarusian language (with the application of the proclamations and appeals of 1863 and 1905). 1835–1916. Minsk: Belarusian State Library, 1929.
7. *Kniga Belarusi. 1517–1917: Zvodny katalog / Dzjarzhawnaja biblijatjeka BSSR imja U. I. Lenina, BelSJe; sklad. G. Ja. Galenchanka i insh.* [The Book of Belarus. 1517–1917: Consolidated catalog / State Library of the BSSR named after V. I. Lenin, BelSE; warehouse named after G. Ya. Galenchenko and others. Minsk: BelSE, 1986.
8. *Spisok uchenykh trudov prof. V. M. Alekseeva. Zapiski ob uchenykh trudakh deistvitel'nykh chlenov Akademii nauk SSSR po Otdeleniyu gumanitarnykh nauk, izbrannykh 12 yanvarya i 13 fevralya 1929 goda* [List of scientific works by Professor V. M. Alekseev. Notes on the scientific works of full members of the USSR Academy of Sciences in the Department of Humanities, elected on January 12 and February 13, 1929]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1930, 4–10.
9. Fedorenko, N. T. *Ot sostavitelya. Pu Sunlin (Lyao Chzhai). Monakhi-volshebnyki. Rasskazy o lyudyakh neobychainykh* [From the originator. Pu Songling (Liao Zhai). The Monks are Magicians. Stories About Extraordinary People]. Moscow: Pravda, 1988, 3–4.

Сергей Лебедев,
кандидат филологических наук, доцент;
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
sulebe@yandex.by

Юлия Соловьёва,
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
ulso00@mail.ru

ФЕНОМЕН «ПОТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА» В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЧХВЕ ИНХУНА «ПЛОЩАДЬ»)

В статье исследуется процесс трансформации универсального архетипа отчужденности в уникальный национально-исторический образ «потерянного человека». На примере романа Чхве Инхуна «Площадь» (1960) рассматривается, как общечеловеческий экзистенциальный кризис приобретает специфические черты в контексте корейской национальной трагедии – идеологического раскола и гражданской войны. Представляются художественные методы, с помощью которых Чхве Инхун переводит коллективную травму в сферу литературы, используя дихотомию «площади» и «пространства». В работе обосновывается связь корейского «потерянного человека» с мировыми литературными инвариантами – русским «лишним человеком» и западным «потерянным поколением», при этом акцентируется внимание на уникальной «третьей точке зрения» героя, не нашедшего места ни в одной из антагонистических систем Корейского полуострова. Сделан вывод о том, что через данный архетип предпринимается попытка осмыслить судьбу разделенной нации и невозможность личностной целостности в условиях социального разлома.

Ключевые слова: культурный архетип; экзистенциальный кризис; «лишний человек»; «потерянное поколение»; «потерянный человек».

Siarhei Lebedzeu,
PhD, Associate Professor;
Belarussian State University
(Belarus)
sulebe@yandex.by

Yuliya Salauyova,
Belarusian State University
(Belarus)
ulso00@mail.ru

THE PHENOMENON OF THE ‘LOST MAN’ IN KOREAN LITERATURE (CHOI IN-HUN’S *THE SQUARE*)

This article examines the process of transforming the universal archetype of alienation into the unique national-historical image of the ‘lost man’. Using Choi In-hun’s novel *The Square* (1960) as a case study, it explores how a universal existential crisis acquires specific features within the context of Korea’s national tragedy—ideological division and civil war. The authors analyze the literary techniques employed by Choi In-hun to translate collective trauma into literature, particularly through the dichotomy of ‘square’ and ‘space’. The study establishes a connection between the Korean ‘lost man’ and world literary archetypes—the Russian ‘superfluous man’ and the Western ‘lost generation’—while emphasizing the unique ‘third perspective’ of the protagonist, who finds no place in either of the antagonistic systems on the Korean Peninsula. It concludes that through this archetype, Korean literature grapples with the fate of a divided nation and the impossibility of personal integrity in a state of social rupture.

Keywords: cultural archetype; existential crisis; ‘superfluous man’; ‘lost generation’; ‘lost man’.

Литература на протяжении всей истории человечества выступает не только как отражение действительности, но и как важнейший механизм коллективного осмысления и саморегуляции социума. Именно через искусство травмирующие события, потрясения и национальные кризисы переводятся из сферы «коллективной травмы» в сферу культуры, где они оформляются в устойчивые, узнаваемые художественные образы. И именно так в ответ на глубокие социокультурные изменения универсальный архетип отчужденности (как разрыв между индивидом и обществом) обретает конкретно-историческое культурное воплощение, становится «культурным архетипом», как случилось с иными универсальными архетипами в мировой литературе. XX век оставил Корейскому полуострову не только материальные разрушения, но и глубочайшую культурную травму – раскол социума и, как следствие, раскол

единого национального сознания. Именно под давлением травмы универсальный архетип отчужденности оформился в трагичный и бескомпромиссный образ «потерянного человека», ставшего символом идеологического раскола. Это явление, нашедшее отражение в разных видах искусства, «генетически» связано с такими культурными явлениями, как «лишний человек» в русской культуре и «потерянное поколение» в культуре западной. Воплощение этого культурного архетипа наиболее ярко нашло отражение в романе Чхве Инхуна «Площадь», где автор на разных уровнях стиля и содержания ввел ключевую метафору-дихотомию: «площади» (общественная жизнь, догма) и «пространства» (личный мир, индивидуальная свобода).

Для понимания феномена «потерянного человека» необходимо обратиться к теории К. Г. Юнга. Он выделял три уровня психики: сознание, личное бессознательное и коллективное бессознательное – универсальное хранилище памяти всего человечества, которое состоит из архетипов – своего рода «психических инстинктов», регулирующих наше восприятие мира: «В этом образе [коллективном бессознательном] с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты. Это господствующие силы, боги, образы доминирующих законов, регулярно повторяющихся событий и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой» [1, с. 112].

Одним из ключевых для нашего анализа является архетип «Персоны». Юнг определял ее так: «По сути, “Персона” не является чем-то “действительным”: она представляет компромисс между индивидом и обществом в споре о том, “как должен выглядеть тот или иной человек”» [1, с. 183]. Другими словами, «Персона» представляет собой маску, которую человек «надевает» для себя и других. Проблема возникает, когда эта маска (набор социальных ролей и ожиданий) перестает соответствовать радикально изменившимся историческим условиям. Невозможность адаптировать «Персону» к новым реалиям приводит к внутреннему конфликту и, в ряде случаев, отчуждению личности от общества.

Интересно противопоставление юнгианской «Персоны» концепции белорусского филолога А. Н. Андреева. Если у Юнга «Персона» – это лишь функциональная роль, за которой часто скрывается подлинное «Я», то в персоноцентризме Андреева она (как личность) становится носителем высшего интеллекта и культуры, выступая необходимым инструментом для гармонизации внутреннего мира человека с требованиями цивилизации [2, с. 136]. Таким

образом, «потерянный человек» – это личность, чья «Персона» оказалась слишком сложной или слишком хрупкой для грубых механизмов социума¹.

В контексте нашего исследования важно обозначить, что Юнг неоднократно подчеркивает связь архетипов с литературой и искусством: «Оно является итогом многократных наблюдений, анализа мифов, сказок, мировой литературы, где всегда и повсюду встречаются одни и те же мотивы. Их же мы обнаруживаем в фантазиях, сновидениях, бреде и навязчивых идеях наших современников. Эти типичные образы и взаимосвязи получили название архетипических представлений» [3]. Можно говорить о том, что архетипы являются неосознанным фундаментом для всех последующих художественных и культурных образов в их конкретных и национальных проявлениях. К. Г. Юнг детально рассматривает творческий процесс как механизм, обеспечивающий переход этих бессознательных образов в сферу культуры [4, с. 57]. Так, в его понимании литература является мощным инструментом для проявления и коллективного осмысления травматических бессознательных образов.

Процесс отчуждения тесно связан с понятием культурной травмы. В современной социологии она рассматривается как мощное потрясение основ коллективного бытия. Н. Смелзер определяет ее как событие, которое подрывает ключевые элементы культуры и идентичности сообщества [5, с. 38]. Травма становится культурной только тогда, когда она мобилизует эмоции и открывает публичный дискурс, в котором основания коллективной идентичности ставятся под вопрос. В результате в искусстве возникают устойчивые образы кризиса, которые мы называем «культурными архетипами» – исторически локализованными версиями универсальных структур. Исследователь А. Ю. Большакова указывает, что культурный архетип имеет двуслойную структуру: «пассивный» слой (универсальный инвариант) и «актуальный» слой (национально-историческая специфика) [6, с. 65]. Как отмечает А. П. Забияко, именно через актуализацию архетипа нация осмысляет свою судьбу и формирует константные модели духовной жизни: «В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и истории» [7, с. 44].

Для полноценного изучения универсального архетипа отчужденности

---

¹ Для носителей русского языка в русском «лингвистическом универсуме» коннотации слова *‘Персона’* ближе к юнгианской интерпретации, что четко отражается в выражениях «персона нон грата», «персональный автомобиль», «персональная пенсия» и т. д. В них абсолютно недвусмысленно подчеркивается не *‘Личность’*, а ее «внешняя оболочка», *‘Статус’*, *‘Маска’*.

необходимо рассмотреть два базовых культурных типа, которые заложили фундамент для понимания феномена отчуждения в мировой культурологии.

Первым классическим воплощением такого отчуждения в мировой культуре стал русский «лишний человек»². Этот социально-психологический тип, оформившийся в литературе XIX века, характеризуется разрывом с родной средой, чувством интеллектуального превосходства и глубоким скептицизмом. Хотя сам термин «лишний человек» был популяризирован И. С. Тургеневым, основополагающее определение было дано В. Г. Белинским в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846), где он анализирует Евгения Онегина [8]. Анализируя образ Евгения Онегина, Белинский подчеркивал, что апатия героя не была врожденным пороком, а являлась следствием «духа времени». Онегин стал «эгоистом поневоле», обладающим *«озлобленным умом, кипящим в действии пустом»*, поскольку дворянское общество его эпохи не предоставляло возможности для осмысленной деятельности. Ю. М. Лотман дополнял этот анализ культурологическим аспектом, указывая, что отказ Онегина от службы – ключевого атрибута дворянина – делал его «белой вороной», человеком, вышедшим из своего культурного пространства, но не создавшим нового [9]. Аналогичные черты мы видим в образе Печорина и даже в Чацком, которого И. А. Гончаров считал родоначальником этого типа: «Горе от ума» появилось раньше Онегина, Печорина, пережило их... Ими [Онегиным и Печориним] заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век – и в этом все его значение и весь “ум”» [10]. Чацкий, в отличие от своих последователей, еще полон желания действовать, однако его моральные принципы оказываются избыточными и ненужными для окружающего его общества. «Лишний человек» стал инвариантом талантливой, но нереализованной личности, чье отчуждение выражалось через мотивы странничества, дуэли и фатальной неспособности к гармонии в любви.

В начале XX века архетип отчужденности пережил радикальную трансформацию, породив феномен «потерянного поколения». Если русский герой был жертвой сословного застоя, то «потерянное поколение» стало продуктом глобальной военно-травматической катастрофы – Первой мировой войны. Термин, предложенный Гертрудой Стайн и популяризированный Эрнестом Хемингуэем, зафиксировал состояние людей, чьи идеалы были уничтожены в окопах: «Вот кто вы такие! И все вы такие! – сказала мисс Стайн. – Вся молодежь,

---

² «Догадка» о «лишнем человеке» встречалась еще в еврейской, китайской, японской культурах. В XVIII веке в западноевропейской культуре тоже наблюдался некий «протообраз» «лишнего человека». Однако свое классическое выражение он нашел именно в русской литературе.

побывавшая на войне. Вы – потерянное поколение» [11, с. 83]. Это поколение чувствовало себя обманутым фальшивыми лозунгами патриотизма.

Английский писатель и журналист Дж. Олдридж писал: «Они были поколением в самом чистом смысле, возможно, как сказал Малкольм Каули, первым настоящим в истории американской литературы, и они выбрали быть “потерянным” поколением, особо проклятым и брошенным, потерянным от всех других и от самих себя уникальной убежденностью в своей потере, убежденностью, которой они жили, писали и воспринимали жизнь своего времени» [12, с. 21]. Но травма войны вышла за пределы национальных границ: чувство бессмысленности и разочарования, вызванное массовой и механизированной смертью, объединило молодых людей из США, Франции, Германии, других стран. В результате феномен «потерянного поколения» стал общемировым архетипическим образом для любого поколения, чья молодость и идеалы были уничтожены войной и радикальной сменой ценностей. Здесь будет уместным представить определение «потерянного поколения» советскими литературоведами: «Потерянное поколение – группа зарубежных писателей, выступивших в 20-е годы XX века с серией книг, выражавших разочарование в капиталистической цивилизации, обостренное трагическим опытом Первой мировой войны» [13, с. 3].

Травма войны привела к экзистенциальной дезориентации, выразившейся в цинизме, фаталистическом гедонизме и бегстве от реальности. Литературовед Б. А. Гиленсон отмечает, что это были люди, «остро ощущающие свою неприкаянность» [14]. В свою очередь, Е. А. Леонова выделяет в их среде три типа опыта: солдатский (фронтовой), опыт некомбатантов и опыт послевоенной дезориентации [15].

Герои Эриха Марии Ремарка и Ричарда Олдингтона – это люди, «вырванные из почвы», которые не могут найти себе места в мирной жизни. Для них характерно добровольное изгнанничество и эскапизм, что делало их странниками в послевоенном мире, где старые моральные нормы больше не работали. Цинизм в данном случае выступал лишь защитным механизмом, скрывающим глубокую душевную опустошенность.

Опыт отчуждения нашел уникальный отклик в корейской культуре, где сформировался тип, который мы можем назвать «потерянным человеком». Сам термин «потерянный человек» является рабочей адаптацией таких корейских категорий, как 헤어진 사람 («разлученный человек»), 피난민 («беженец») и 실향민 («потерявший родину»).

Корейский вариант этого архетипа несет на себе печать многослойной трагедии: колониального гнета, гражданской войны и национального раскола. В период японской оккупации корейская интеллигенция столкнулась с насильственным стиранием национальной идентичности. Герой того времени оказывался инородцем в собственной стране, лишенным языка и имени, что порождало глубочайший разрыв между его истинным «Я» и навязанной японской «Персоной» [16, с. 370].

Корейская война 1950–1953 годов закрепила это отчуждение, переведя его в плоскость физического и идеологического раздела. 38-я параллель превратилась из административной линии в непреодолимую пропасть, разделившую семьи и нации [16, с. 481]. Современная корейская литература после 1950-х годов неразрывно связана с темой национального раскола и идеологического кризиса, где центральной фигурой выступает Чхве Инхун – писатель, чья биография стала фундаментом для исследования архетипа «потерянного человека». Родившись на Севере и будучи вынужденным бежать на Юг во время Корейской войны, он сам характеризовал себя как «писателя-беженца, который блуждает по этой стране чудес – современной Корее», утверждая, что его творчество – это прежде всего «литература беженца» [17]. Это «сознание чужака» нашло высшее воплощение в романе «Площадь» (1960), ставшим знаковым после Апрельского восстания, которое автор называл «большим факелом истории, осветившим наши жизни». Центральная трагедия романа строится на дихотомии «площади» (광장) как публичного, идеологического – и «пространства» (밀실) как интимного, личного мира. Как гласит предисловие: «“Площадь” – это “пространство” для масс, а “пространство” – это “площадь” для личности. Когда человека запирают в одной из этих двух вещей, он не может жить»³. Именно в этой невозможности обрести гармонию между общественным и частным заключается отчужденность главного героя, Ли Мёнчжуна.

Его путь начинается с глубокого разочарования в Южной Корее, которая парадоксально оказывается для него пространством без общественных идеалов. Отчуждение Мёнчжуна здесь манифестируется через интеллектуальное неприятие капиталистической поверхности, где «смысл жизни в том, чтобы просто жить», а молодежь увлечена лишь «ритмичными движениями тела под музыку и набиванием желудка вкусной едой». Героя возмущает духовная деградация и слепое подражание Западу, которое он называет «кривлянием на детсадовском английском, сидя на задворках американского джипа».

---

³ Здесь и далее текст романа «Площадь» Чхве Инхуна [18] цитируется в переводе Юлии Соловьёвой.

Анализируя социум Юга, Мёнчжун приходит к выводу о его фатальной разобщенности: «Есть только одна отдельная личность, но нет общества в целом... Как только необходимый грабеж и мошенничество совершены, “площадь” пустеет». Это превращает политическую систему в «цепи», где демократия служит лишь ширмой для элит. Точкой невозврата становится допрос в полиции, где физическое насилие перерастает в экзистенциальный разрыв с системой. Испытанное унижение рождает в нем «проникающую ненависть, которая тише той, от которой скрежещут зубами, но проникает до мозга костей». Видя в себе лишь муравья, которого может раздавить «огромная нога» власти, Мёнчжун бежит на Север, надеясь обрести там подлинную, справедливую «площадь».

Однако Северная Корея предстает перед ним как иная крайность – «площадь» без «пространства», тоталитарная «серая Республика», где индивидуальность принесена в жертву догме. Мёнчжун обнаруживает, что народ здесь носит «ярмо с надписью “хозяин страны”», которое постоянно подхлестывают кнутом. Его попытка реализоваться через интеллектуальный труд наталкивается на жесткий запрет мыслить самостоятельно: «Товарищ Ли Мёнчжун, ты говоришь так, будто сам думаешь за Республику... Отбрось индивидуалистический дух!» Финальный разрыв с Севером происходит в момент осознания предательства идеалов его собственным отцом. Это тотальное отчуждение от обеих систем выталкивает героя в сферу экзистенциального кризиса, где он признает свое бессилие, понимая, что лишь «реагировал на насилие, вместо того чтобы действовать».

Кульминация кризиса наступает во время войны, когда Мёнчжун пытается преодолеть отчуждение через сознательную жестокость, стремясь к «своему собственному, ясно совершенному греху». Но насилие в полицейском участке над Юнэ, первой любовью главного героя, не приносит ему освобождения, заставляя лишь горько вопрошать себя: «Ты не смог стать и дьяволом?». Единственным подлинным «пространством» для него была любовь к балерине Ынхэ, женщине, «существовавшей отдельно от волнений эпохи», но ее гибель на фронте окончательно обрывает его связи с человеческим миром: «У него не осталось привязанностей в Северной Корее».

Осознавая, что среди людей он будет изгоем, Мёнчжун выбирает путь в нейтральную Индию. Однако уже на корабле он понимает, что абсолютная свобода недостижима в рамках земной географии. Его финальный прыжок в море становится радикальным отказом от бытия в расколотом мире – это последний автономный акт «потерянного человека», выбирающего трансцендентную

свободу, символизируемую чайками, над миром идеологических «площадей» и тесных «пространств».

Архетипическая устойчивость «потерянного человека» в корейской литературе подтверждается и в более поздние периоды. Эпоха сверхбыстрой модернизации 1960–1980-х годов породила новый кризис идентичности, где человек стал лишь «винтиком» экономической системы. Это ярко отражено в творчестве Чо Сехи, чьи герои, подобно «маленьким людям» мировой классики, лишены прав и достойного места в обществе [19].

Таким образом, корейский «потерянный человек» является национально-специфичным вариантом глобального архетипа отчуждения. Он синтезирует в себе интеллектуальную рефлексию русского «лишнего человека», экзистенциальную травму «потерянного поколения» и уникальную боль национального раскола. Исследование этого образа позволяет сделать вывод, что литература всегда трудится над «воспитанием духа времени», переводя на уровень искусства те образы, которых обществу не хватает для осознания собственной целостности. Трагедия отчужденного интеллигента становится диагнозом эпохи, доказывая, что человеческая личность не может быть цельной в условиях, когда сама почва и культура нации разделены надвое. Архетип «потерянного человека» остается актуальным и сегодня, напоминая о необходимости поиска баланса между личной «пространством» и общественной «площадью» в меняющемся мире.

Список литературы

1. Юнг, К. Г. *Психология бессознательного*. Москва: Когито Центр, 2010.
2. Андреев, А. Н. *Аксиомы персонцентрического литературоведения*. Минск: БГУ, 2015.
3. Юнг, К. Г. *Совесть с психологической точки зрения*. URL: <https://carljung.ru/Library/Sovest.html>.
4. Юнг, К. Г. *Проблемы души нашего времени*. Санкт-Петербург: Питер, 2020.
5. Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztompka, P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004.
6. Большакова, А. Ю. Мифопоэтическое и архетипическое: к проблеме становления духовных традиций и практик. *Сборники конференций НИЦ «Социосфера», 2010, 2, 63–70*.
7. Левит, С. Я. (ред.). *Культурология. XX век. Энциклопедия*. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998, том 1.
8. Белинский, В. Г. Статья восьмая. Евгений Онегин. *Полное*

собрание сочинений, том VII. URL: <https://vgbelinsky.ru/texts/books/13-7/Pushkin/8/?ysclid=miozaqkhos743294932>.

9. Лотман, Ю. М. *Комментарий к «Евгению Онегину». Очерк дворянского быта... VIVOS VOVO*. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/LOTMAN/ONEGIN/ESSAY.HTM>.

10. Гончаров, И. А. Мильон терзаний (критический этюд). *Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ)*. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit22.htm>.

11. Хемингуэй, Э. *Праздник, который всегда с тобой*. Москва: Издательство АСТ, 2021.

12. Aldridge, J. *After the Lost Generation: a Critical Study of the Writers of Two Wars*. Princeton: Noonday Press, 1958.

13. Третьяк, З. И. Перспективы литературоведческого анализа понятия «Потерянное поколение». *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*, 2013, 10, 2–6.

14. Гиленсон, Б. А. «Потерянное поколение». *Краткая литературная энциклопедия, 1968, том 5*. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke5/ke5-9142.htm>.

15. Леонова, Е. А. *Немецкая литература XX века. Германия, Австрия*. Москва: Флинта: Наука, 2010.

16. Курбанов, С. О. *История Кореи с древности до начала XXI в.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.

17. 박제현. ‘광장’의 소설가, 최인훈 별세. *조선일보*(= Пак Джэхён. Скончался автор романа «Площадь» Чхве Инхун. *Газета «Чосон»*). URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2018/07/23/2018072301285.html

18. 최인훈. *광장*(= Чхве Инхун. Площадь). URL: https://vk.com/wall-43895696_6830?ysclid=mio3oam7p493289612,

19. Цой, И. В. Литература в период индустриализации (цикл рассказов Чо Сехи (1942~)). *Корё Сарам. Записки о корейцах*, 2014. URL: <https://koryo-saram.site/literatura-v-period-industrializatsii-tsikl-rasskazov-cho-sehi-1942-korean-literature-at-the-age-of-industrialization-collection-of-short-stories-by-cho-se-hui-1942/?ysclid=mhwggsdih4567177378>.

References

1. Jung, K. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow: Kogito Center, 2010.

2. Andreev, A. N. *Aksiomy personotsentricheskogo literaturovedeniya* [Axioms

---

of Personocentric Literary Criticism]. Minsk: BSU, 2015.

3. Jung, K. G. *Sovest' s psikhologicheskoi tochki zreniya* [Conscience from a Psychological Point of View]. URL: <https://carljung.ru/Library/Sovest.html>.

4. Jung, K. G. *Problemy dushi nashego vremeni* [The Problems of the Soul of Our Time]. St. Petersburg: Piter, 2020.

5. Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztopka, P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004.

6. Bolshakova, A. Yu. Mifopoeticheskoe i arkhetypicheskoe: k probleme stanovleniya dukhovnykh traditsii i praktik [The Mythopoeic and the Archetypal: Towards the Problem of the Formation of Spiritual Traditions and Practices]. *Collections of conferences of SRC 'Sociosphere', 2010, 2*, 63–70.

7. Levit, S. Ya. *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Cultural Studies. 20th Century. Encyclopedia]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998, volume 1.

8. Belinskii, V. G. Stat'ya vos'maya. Evgenii Onegin [The Eighth Article. Eugene Onegin]. *The Complete Works, volume VII*. URL: <https://vgbelinsky.ru/texts/books/13-7/Pushkin/8/?ysclid=miozaqkhos743294932>.

9. Lotman, Yu. M. Kommentarii k «Evgeniyu Oneginu». Ocherk dvoryanskogo byta... [Commentary on *Eugene Onegin*. An Essay on the Life of the Nobility...] *VIVOS VOCO*. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/LOTMAN/ONEGIN/ESSAY.HTM>.

10. Goncharov, I. A. Mil'on terzanii: (kriticheskii etyud) [A million Torments: A Critical Study]. *Fundamental electronic library 'Russian Literature and Folklore (FEL)*. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit22.htm>,

11. Hemingway, E. *Prazdnik, kotoryi vseгда s toboi* [The Holiday that is Always with You]. Moscow: AST Publishing House, 2021.

12. Aldridge, J. *After the Lost Generation: a Critical Study of the Writers of Two Wars*. Princeton: Noonday Press, 1958.

13. Tret'yak, Z. I. *Perspektivy literaturovedcheskogo analiza ponyatiya «Poteryannoe pokolenie»* [Perspectives of Literary Analysis of the Concept of the 'lost generation']. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities, 2013, 10*, 2–6.

14. Gilenson, B. A. «Poteryannoe pokolenie» ['The lost generation']. *The Concise Literary Encyclopedia, 1968, volume 5*. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke5/ke5-9142.htm>.

15. Leonova, E. A. *Nemetskaya literatura XX veka. Germaniya, Avstriya* [German Literature of the 20th Century. Germany, Austria]. Moscow: Flint: Nauka, 2010.

16. Kurbanov, S. O. *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI v.* [The History of Korea from Antiquity to the Beginning of the 21st Century]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018.

---

17. 박제현. '광장'의 소설가, 최인훈 별세. 조선일보(= Park Je-hyun. The author of *The Square*, Choi In-hoon, has passed away. *Chosun*). URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2018/07/23/2018072301285.html.

18. 최인훈. 광장(= Choi In-hun. The Square). URL: https://vk.com/wall-43895696_6830?ysclid=miqu3oam7p493289612.

19. Tsoi, I. V. Literatura v period industrializatsii (tsikl rasskazov Cho Sekhi (1942~)) [Literature in the Period of Industrialization (a Cycle of Short Stories by Cho Sekhi (1942~))]. *Kore Saram. Notes on Koreans*, 2014. URL: <https://koryo-saram.site/literatura-v-period-industrializatsii-tsikl-rasskazov-cho-sehi-1942-korean-literature-at-the-age-of-industrialization-collection-of-short-stories-by-cho-se-hui-1942/?ysclid=mhwggsdih4567177378>.

Ирина Короткевич,
кандидат филологических наук, доцент;
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
viachiryanka@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье на материале «Словаря белорусского наречия» Ивана Ивановича Носовича рассматриваются возможности национальной лексикографии в аспекте кросс-культурного образования. Целью статьи является доказательство кросс-культурного потенциала нациеобразующей лексикографии, возможность использования его для формирования в образовательном процессе межкультурного мировоззрения, понимания ценностного смысла национальных культур, достижения достаточного уровня культурной грамотности и толерантности. «Словарь белорусского наречия» выступает источником кросс-культурной информации об особенностях традиций и социальной жизни белорусского народа в определенный период истории. Анализируется национальное содержание реестровой лексики, описывающей культурные ситуации приветствия, прощания, благословения, прощения. Семантическое наполнение слов, отображающих эти ситуации, указывает на специфику социального, ритуального, бытового и конфессионального контекста употребления названных лексем.

Ключевые слова: Иван Иванович Носович; «Словарь белорусского наречия»; национальный толковый словарь; кросс-культурное образование; культурная ситуация.

Iryna Karatkevich,
PhD in Philology, Associate Professor;
Belarusian State University
(Belarus)
viachiryanka@gmail.com

NATIONAL DICTIONARY AS A SOURCE OF CROSS-CULTURAL INFORMATION

The article examines the possibilities of national lexicography in the aspect of cross-cultural education based on the material of the *Dictionary of the Belarusian Dialect* by Ivan Nosovich. The purpose of the article is to prove the cross-cultural potential of nation-forming lexicography, the possibility of using it to form an intercultural worldview in the educational process, understanding the value meaning of national cultures, and achieving a sufficient level of cultural literacy and tolerance.

The *Dictionary of the Belarusian Dialect* is a source of cross-cultural information about the peculiarities of the traditions and social life of the Belarusian people in a certain period of history. The national content of the registry vocabulary describing the cultural situations of greeting, farewell, blessing, and forgiveness is analyzed. The semantic content of the words reflecting these situations indicates the specifics of the social, ritual, domestic, and confessional context of the use of these lexemes.

Keywords: Ivan Nosovich; Dictionary of the Belarusian Dialect; national explanatory dictionary; cross-cultural education; cultural situation.

Одной из концептуальных основ налаживания межэтнического общения в настоящее время принято считать кросс-культурную методологию обучения, которая ориентирована на приобретение людьми «комплекса знаний об обычаях, ценностях, способах коммуникации, нормах и стереотипах поведения другого народа без разрыва с собственной культурой» [1, с. 98]. Это значит, что в результате сравнения или взаимодействия разных культур возможно сформировать эффективную коммуникацию с представителями иных лингвокультурных сообществ, особенно в аспекте понимания и принятия их поведенческих норм и аксиологических установок. Особенно важен кросс-культурный подход в обучении в условиях пересечения этнических традиций. Таким образом, кросс-культурное образование можно обозначить как «образование в толерантной поликультурной среде, где происходит целенаправленное изучение и учет особенностей взаимодействующих культур, носителями которых являются участники данного образовательного процесса» [2, с. 177]. Целью кросс-культурной дидактики является формирование коммуникативной компетенции в инокультурной среде – «освоение <...> нового культурного кода, доступ к накопленному фонду культурно-исторического опыта иноэтнического сообщества» [1, с. 99]. Основным критерием сформированной кросс-культурной компетенции является «достаточный уровень культурной грамотности, который предусматривает понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры» [3, с. 6]. В процессе кросс-культурной коммуникации анализу подвергаются «прагматические аспекты дискурса – кросс-культурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов коммуникативной деятельности и соответствующих культурных сценариев» [4, с. 23], то есть определенные устойчивые культурные сценарии речевого и неречевого поведения носителей конкретной лингвокультуры (например, традиционные культурные сценарии вежливости [4, с. 24–25]), которые при схожем лингвистическом выражении не имеют универсального (или похожего) значения.

Для кросс-культурного образования могут использоваться материалы и ситуации, в которых происходит сравнение и анализ использования фактов родной и изучаемой культур: практические тренинги непосредственного общения с представителями иных культур, обучающие программы, ознакомительные поездки, посещение музеев, художественных выставок и фестивалей, анализ этнокультурного содержания художественных текстов и др. Одним из источников для формирования осознания уникальности культур может, на наш взгляд, быть **национальный толковый словарь**, в том числе исторического или историко-этнографического плана.

В белорусской лингвистике фундаментальным лексикографическим трудом, который демонстрирует процессы развития и нормирования белорусского литературного языка, является «Словарь белорусского наречия» (в оригинале – «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія», бел. «Слоўнік беларускай мовы»), изданный в 1870 году в Санкт-Петербурге в качестве составной части большого словаря русских диалектов – «Опыта словаря областных наречий» («мѣстныхъ нарѣчій Русскаго народнаго языка»). В этом комплексном словаре, совмещающем в себе одновременно диалектологический, переводной, толковый и лингвострановедческий компоненты, систематизирована лексика живой народной белорусской речи XIX века, что впоследствии сформировало основу для становления белорусского литературного языка.

Составитель словаря Иван Иванович Носович (1788–1877), уроженец Могилевской губернии, собирал и исследовал белорусский фольклор и даже подготовил несколько сборников: «Белорусские пословицы и поговорки», «Сборник белорусских пословиц», «Белорусские пословицы и загадки», «Белорусские песни». Для составления «Словаря белорусского наречия» он использовал собранные им в течение 16 лет слова – единицы белорусской речи Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской губерний Российской империи. Словарь был издан в Санкт-Петербурге в 1870 году по решению Отделения языка и словесности Императорской академии наук. Это был толково-переводной лексикографический труд, который презентовал активную в тот период белорусскую лексику и предоставлял словесный материал, необходимый для расшифровки древних славянских и восточнославянских (старобелорусских) памятников письменности. Лингвистический подвиг И. И. Носовича был высоко оценен ученым сообществом: в 1865 году рукопись словаря была отмечена половиной Демидовской премией Императорской академии наук. В современной белорусской лингвистике словарь И. И. Носовича также высоко оценивается как один из источников белорусской диалектологической лексикографии, основа

становления и функционирования современного белорусского литературного языка и считается образцом нациеобразующей белорусской лексикографии.

Реестровая часть словаря оформлялась по-белорусски, толковательная – по-русски. Лексика и фразеология живого белорусского языка в реестровой части словаря предоставляет обширные сведения о материальной и духовной культуре, бытовом, конфессиональном и социальном укладе населения белорусских земель в 1850-е – 1860-е годы. Эти факторы позволяют исследовать реестровую и толковательную части словаря И. И. Носовича в кросс-культурном аспекте.

Для анализа кросс-культурной составляющей используются лексические средства коммуникативных ситуаций *приветствия, прощания, благословения, прощения*. Так, для отображения ситуации *приветствия* в реестровой части словаря приведено значительное количество лексем разных частей речи, например, имен существительных¹:

[ВІТАННЕ] ВИТАННЕ, -я, с. ср. Привѣтствование, привѣтъ. *Не треба мнѣ твое витанне: отдай мое гроши.*

[ПАВІТАННЕ] ПОВИТАННЕ, -я, с. ср. Привѣтствование. *Принявѣ насъ безъ повитання.*

[ПРЫВІТАННЕ] ПРИВИТАННЕ, -я, с. ср. Привѣтствование, привѣтъ. *Привитанне госцей. Привитання ниякого не здзѣлавъ намъ,*

а также причастия и глаголы, производные от названных имен существительных:

[ВИТАНЫ] ВИТАНЫЙ, прич. стр. отъ гл. д. *Витаць*. Привѣтствованный, имѣвший уже приѣмъ. *Госць витаный. Не всякій тэй званый, хто витаный. (Посл.)*

[ВИТАЦЬ] ВИТАЦЬ, сов. *Привитаць* (Слав. витати), гл. д. Привѣтствовать. *Чему госцей не витаешъ, не привитавъ? Вита витаџи, да нечѣго даџи. (Посл.) Дружковъ хохоль летаецъ, Чему жъ баярокъ не витаецъ? (Изъ свад. пѣсни).*

[ПАВІТАНЫ] ПОВИТАНЫЙ, прич. стр. отъ д. глагола *Повитаць*. Привѣтствованный. *Госџи неповитаные у цебе стояць.*

[ПАВІТАЦЬ] ПОВИТАЦЬ, сов. глагола д. *Витаць*. Привѣтствовать. *Повитаць любыхъ госцей.*

[ПРЫВІТАНЫ] ПРИВИТАНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. *Привитаць*. Привѣтствованный, встрѣченный съ привѣтствіемъ. *Госџи привитаные.*

Также ситуация приветствия обозначается формами слов, образованными от междометий *добры дзень, дзень добры, добры вечар* и пожеланий здоровья:

[ДЗЕНДОБРЫ] ДЗЕНДОБРЫЙ, образъ привѣтствія при свиданіи. Здравствуй; добраго дня. *Дзендобрый пану.*

[ДЗЕНДОБРЫ] ДЗЁНЬ-ДОБРЫЙ, 1) въ знач. межд. Здравствуй. *Дзень-добрый сусѣду.* 2) род. -раго, въ знач. с. м. Привѣтственное слово. *Пришовъ въ хату и дзень-добраго намъ не сказаваъ.*

---

¹ Здесь и далее ссылки на словарь представлены по электронному изданию «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича (<https://belarus.github.io/Slouniki-Nasovic/index.html>). В квадратных скобках указано нормативное написание слов.

[ДАБРЫ ВЕЧАР] ДОБРЫ-ВЕЧЕРЬ, межд. Вечернее привѣтствіе. *Добры-вечеръ вамъ, ци рады вы намъ. (Погов.)*

[ДАБРЫДЗЕНЬ] ДОБРЫДЗЕНЬ, межд. Дневное привѣтствіе добраго дня.

[ЗДАРОУКАЦА] ЗДОРОВКАЦЬЦА, сов. *Поздоровкацьца*, глаг. взаимн.

Здороваться. *Што жъ ты не здоровкаешся, не поздоровкався со мною?*

Значительное количество слов и словоформ, использовавшихся в коммуникативной ситуации приветствия, может свидетельствовать о большом культурном значении этой ситуации в социальной жизни белорусов и важности ее словесного оформления. Однако общечеловеческая ситуация приветствия имеет национальную специфику, что отражено в словаре И. И. Носовича. В частности, внутренняя форма некоторых реестровых слов содержит в себе указание на поведенческие и ритуальные составляющие приветствий – встречу с поклоном, рукопожатием, торжественное угощение, проявление уважительного отношения в виде заблаговременного выхода навстречу:

[УКЛО^Н] УКЛО^{НЬ}, -у, с. м. *Покло^н*, привѣтствіе. *Ниякого уклону не давь.*

[КЛАНЕМ, КЛАНЕМСЯ] КЛАНЕМЬ и КЛАНЕМСЯ, отглагольные частицы въ видѣ межд. *привѣтствія*. *Здравствуй. Кланемъ, -мя тобъ, татусь.*

[ЧАЛОМКАЦЬ] ЧЕЛОМКАЦЬ, глаг. сред. *Челомъ бить, кланяться, здороваться. Я тобъ чѣломкаю, а ты и не кланяёшся мнѣ.*

[РУКАЦА] РУКАЦЬЦА, сов. *Порукацьца*, глаг. взаимн. *Подавать при встрѣчѣ другъ другу руку. Што жъ ты не рукаешся, не порукався со мною.*

[ХЛЕБ-СОЛЬ] ХЛѢБЬ-СОЛЬ, -ба-соли, сущ. ж. *Пицца, продовольствіе. Хлѣбь-соль мою гъвь. Хлѣбомъ-солью мою гребуёшь. Хлѣбь-соль, вашей милосци! – привѣтствіе входящаго въ комнату, когда онъ увидитъ, что хозяинъ и семейство его кушаютъ.*

[УСПАТЫКАЦЬ] СПОТЫКАЦЬ, сов. *Вспотыкнуць*, гл. д. *Нарочно выходить на встрѣчу кому; встрѣчать привѣтственно. Добръ ты мене вспотыкаешъ; съ добрымъ словомъ вспотыкнувъ.*

[ПЯРЭЙМА] ПЕРЕЙМА, -ы, с. ж. 1) *Встрѣча. Уси на перейму намъ со двора выйшли.* 2) *Переемъ. Бѣжи скорѣй на перейму коній, въ паньскій овёсъ скачуць.*

[ПЕРАЙМАННЕ] ПЕРЕЙМАННЕ, -я, с. ср. 1) *Встрѣчаніе. Выйди на перейманне госцей.* 2) *Перехваченіе, поимка бѣжавшаго. Перейманне бѣглыхъ. Перейманне коней.*

[СПАТЫКАЦЬ] СПОТЫКАЦЬ, сов. *Споткаць*, дѣйств. глаг. *Выходить на встрѣчу, встрѣчать. У воротахъ споткавъ его. Богатаго зъ далёка спотыкаюць.* (Погов.)

[СТРАКАННЕ] СТРѢКАННЕ, -я, сущ. ср. *Встрѣчаніе. Стрѣканне молодыхъ съ хлѣбомъ-соллю.*

[СТРЭНУЦЬ] СТРѢНУЦЬ, однокр. глагола дѣйств. *Стрѣкаць. Выйти на встрѣчу, встрѣтить.* *Стрѣнь госцей хорошенько.*

В отличие от речевого выражения приветствия, ситуация *прощания* не имеет в словаре И. И. Носовича такого значительного количественного выражения и представлена лишь несколькими лексемами, во внутренней форме которых заключено упоминание о ритуальных действиях – поклонах и особых речевых формулах, употребляемых во время этой коммуникативной ситуации:

[АДКЛОН] ОТКЛОНЬ, -у, с. м. *Прощаніе. И отклону не давь.*

[АДКЛАНЬВАЦА] ОТКЛАНІВАЦЬЦА, сов. *Откланицьца*, гл. общ. 1) *Прощаться. Госци откланиваюцца; проси, штобъ постъдзьли. Ци откланисья ты съ хозяйкою? 2) Отпрашиваться отъ чего поклонами. Якъ не откланивайся, не откланяёшся отъ розокъ.*

[ПАЖАГНАННЕ] ПОЖЕГНАННЕ, -я, с. ср. *Прощаніе. Вытьемъ на пожегнанне.*

[ШЧАСЛІВЫ] ЩАСЛІВЫЙ, прил. *Счастливый. Будзь здоровъ и щасливъ. (Погов. при прощаньи).*

В Беларуси с ее христианскими традициями особое значение имела ситуация *благословения*, которая отражала устойчивую веру белорусов в необходимость сверхъестественного покровительства, поддержки в важных начинаниях. Такое покровительство испрашивалось у священника или родителей, поскольку решение родителей фактически приравнивалось к божественной воле, а также использовалось в ритуалах, которые посвящены переходу личности в иной социальный статус (например, замужество). Лексемы, отображающие культурную ситуацию благословения, выражены разными частями речи или производными от слов старославянского (*благо, слово*) либо польского происхождения (*жегнать*, польск. *żegnać* – ‘крестить’ [5, с. 855]):

[БЛАГАСЛАВЕНСТВА] БЛАГОСЛОВЕНСТВО, -а, с. ср. *Благословеніе. Безъ благословенства родзицелей пошла замужъ.*

[ЖАГНАННЕ] ЖЕГНАННЕ, -я, с. ср. 1) *Священническое благословеніе. Пришовъ подъ самое жегнанне по службѣ. 2) Прощаніе, отпускъ. Жегнанне на ўси четыре стороны.*

[ЖАГНАНЫ] ЖЕГНАНЫЙ, прич. стр. отъ д. глагола *Жегнаць*. *Благословенный священникомъ.*

[ЖАГНАЦЬ] ЖЕГНАЦЬ, сов. *Пожегнаць*, гл. д. *Благословлять. Жегнаць, пожегнаць въ дорогу.*

[ПРАСКУРА] ПРОСКУРА, -ы, с. ж. *Просвира; благословенный хлѣбъ* при шестинедѣльномъ поминовении по усопшемъ. *Поднимаць проскуру*, знач. участвовать при возношении благословеннаго хлѣба и величании Божіей Матери прикосновениемъ руки къ плату, на которомъ съ величаниемъ возносятся въ верхъ просфору.

[МАМКИН] МАМКИНЬ, прил. прит. смягч. *Материнь. Мамкино благословенство.*

[АТЦОЎСКІ] **ОТЦОВСКИЙ**, прил. Отеческій. *Отцовскій дворъ. Отцовское благословение.*

[СТАНЬСЯ] **СТАНЬСЯ**, отглагол. част. Да будетъ. *Нехай васъ Богъ благословиць, станься – говорятъ родители, благословляя новобрачныхъ.*

[СТАТЭЧНЫ] **СТАТЭЧНЫЙ**, прил. Постоянный, степенный. *Статэчный дзгъцина! Его ўси маюць за статэчнаго челоуька. Мужи статэчныя, бабки запечныя, дзгътки заплечныя, благословице красной невгъсцгъ коровай учиниць. (Приговорка при свадебномъ приготолениу коровай).*

Культурная ситуация **прощения**, обусловленная и социальными нормами, и влиянием христианского понимания добродетели, также отображается в словаре в виде развитых словообразовательных рядов, имеющих значение как собственно прощания, извинения, так и ритуалов при испрашивании прощания:

[ВЫБАЧЭННЕ] **ВЫБАЧЕННЕ**, -я, с. ср. *Извиненіе, прощеніе. Выбачення просимъ, госцики; на гето просили.*

[ПЕРАПРАШВАННЕ] **ПЕРЕПРАШИВАННЕ**, -я, с. ср. *Испрашиваніе прощенья за нанесенную досаду. Не треба мнгъ твое перепрашиванне.*

[ПЕРАПРАШВАЦЬ] **ПЕРЕПРАШИВАЦЬ**, сов. *Перепросиць, гл. д. 1) Просить прощенья. Краснэй шапки нема, штобъ перепрашиваць, перепросиць тебе. (Погов.) 2) Повгърять допросъ вторичнымъ спрашиваньемъ, передопрашивать. Въ другій разъ перепрашивали, перепросили свгътокъ. 3) Распрашивать у многихъ. Мы усихъ людзей, усё село перепрашивали, никто не вгъдаецъ.*

[ПРАБАЧАННЕ] **ПРОБАЧАННЕ**, -я, с. ср. *Прощеніе, оказаніе снисхожденія. Въ другій разъ не сподзгъвайся на моё пробачанне.*

[ПРАБАЧЭННЕ] **ПРОБАЧЕННЕ**, -я, с. ср. *Прощеніе, извиненіе. Пробачення просимъ, госцики.*

[ПРАБАЧАНЫ] **ПРОБАЧЕННЫЙ**, прич. стр. отъ д. гл. *Пробачиць. Прощенный. Провинка пробаченая паномъ.*

[ПРАПУШЧЭННЕ] **ПРОПУЩЕННЕ**, -я, с. ср. *Прощеніе. Николи пропуцення не даецъ.*

[ПРАПУШЧОНЫ] **ПРОПУЩОНЫЙ**, прич. стр. отъ д. гл. *Пропусциць. 1) Прощенный. Пропущоная вина. 2) въ знач. прил. Простительный. Не пропуцонный гргъхъ. Пропущоная обида.*

[КАРЫЦЦА] **КОРИЦЦА**, сов. *Покорицьца, гл. возвр. 1) Покоряться, быть покорнымъ. Кажному корися старшему, дзицятко, и ўсцъ любиць будуць. 2) Виниться, признаваться въ вингъ. Што зъ имъ здзгълаешъ, коли ёнгъ не корицьца. 3) Кланяться, прося прощенія, или во время свадьбы. Корися, дочухна, корися и малому и старому поклонися (говорятъ при свадебныхъ обрядахъ).*

[ВЫКЛЕНКАЦЬ] **ВЫКЛЕНКАЦЬ**, гл. д. сов. в. *Вымолить что у кого, какъ бы стоя на колгънахъ. Выкленкаць прощенне.*

[ТРОЙЧЫ] **ТРОЙЧИ**, наргъч. То же, что *Трйчи. Тройчи побожився. Просци мене разъ, двойчи, тройчи, – такъ просятъ прощенья готолвящיעся къ исповгъди и причастію Св. Таингъ.*

Таким образом, на примере описания речевого выражения нескольких культурных ситуаций в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича можно выявить кросс-культурный потенциал национальной толковой лексикографии, которая способна аккумулировать в себе систему знаний о культуре народа, его традициях и обычаях, комплексе его аксиологических и социальных установок. При помощи словарных языковых единиц раскрывается человеческое и культурное многообразие, постижение которого и является конечной целью кросс-культурного образования.

Список литературы

1. Южанин, М. А. Кросс-культурное обучение в глобализирующемся мире. *Социология власти*, 2010, 5, 96–103.
2. Костина, Е. А. Кросс-культурность высшего профессионального образования. *Вестник Академии права и управления*, 2015, 3 (40), 175–184.
3. Hirsh, E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. *The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston: Houghton Mifflin, 2002.
4. Чернобровкина, И. В. Лингвистическое понимание терминов межкультурная коммуникация и кросс-культурная коммуникация. *Science time*, 2023, 9 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-ponimanie-terminov-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-kross-kulturnaya-kommunikatsiya>.
5. *Польска-беларускі слоўнік: звыш 40 000 слоў* / Я. В. Волкава, В. Л. Авілава. Мінск: БелЭн, 2004.

References

1. Yuzhanin, M. A. Kross-kul'turnoe obuchenie v globaliziruyushchemsya mire [Cross-Cultural Learning in a Globalizing World]. *Sociology of Power*, 2010, 5, 96–103.
2. Kostina, E. A. Kross-kul'turnost' vysshego professional'nogo obrazovaniya [Cross-Culturality of Higher Professional Education]. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2015, 3 (40), 175–184.
3. Hirsh, E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. *The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston: Houghton Mifflin, 2002.
4. Chernobrovkina, I. V. Lingvisticheskoe ponimanie terminov mezhkul'turnaya kommunikatsiya i kross-kul'turnaya kommunikatsiya [Linguistic Understanding of the Terms Intercultural Communication and Cross-Cultural Communication]. *Science time*, 2023, 9 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-ponimanie-terminov-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-kross-kulturnaya-kommunikatsiya>.
5. *Pol'ska-belaruski slovník: zvysh 40 000 slow* [Polish-Belarusian Dictionary: over 40,000 Words] / Ja. V. Volkava, V. L. Avilava. Minsk: BelEn, 2004.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Abdieva Adalyat is a PhD, Associate Professor. She is the Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan). She is a graduate of the Faculty of Philosophy of Moscow State University (Russia). She is the author of more than 100 articles and conference papers. She has presented her research at international conferences in Turkey, Russia, Belarus, Romania, Kazakhstan, China, and Serbia. Her research interests include multiculturalism, philosophical comparative studies, and philosophy of religion.

Абдиева Адалят – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и общественных наук Азербайджанского университета языков (Азербайджан). Выпускница философского факультета Московского государственного университета (Россия). Автор и соавтор более 100 статей и тезисов. Выступала с докладами на международных конференциях в Турции, России, Беларуси, Румынии, Казахстане, Китае, Сербии. Сфера научных интересов: мультикультурализм, философская компаративистика, философия религии.

Bagirova Sevil Baba is a PhD in Pedagogy, an Associate Professor at the Department of East Slavic Philology of Baku Slavic University (Azerbaijan). She is the author of over 30 scientific papers on pedagogy and methods of teaching Russian as a foreign language. Her research interests include Russian as a foreign language and pedagogy.

Багирова Севиль Баба гызы – кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточнославянской филологии Бакинского славянского университета (Азербайджан). Автор более 30 научных работ по педагогике, методике преподавания русского языка как иностранного. Сфера научных интересов: русский язык как иностранный, педагогика.

Gavrilovets Ekaterina is studying in the specialty ‘Modern Foreign Languages (English, German)’ at the Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin (Belarus). Her research interests encompass linguoculturology, intercultural communication, and the potential application of a linguoculturological approach in foreign language instruction. Her articles were published in Belarus and Russia.

Гавриловец Екатерина Сергеевна – студентка филологического факультета специальности «Современные иностранные языки (английский, немецкий)» Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (Беларусь). Сфера научных интересов: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, интеграция языка и культуры; потенциал использования лингвокультурологического подхода на уроках иностранного языка. Статьи публиковались в белорусских и российских изданиях.

Gulchenko Darya is a Master's student at Belarusian State University (Belarus). Her scientific interests encompass early Japanese mythology and Shintoism.

Гульченко Дарья Викторовна – магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь). Сфера научных интересов: мифология ранней Японии, синтоизм.

Gutsko Irina is a Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages of the Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin (Belarus). She is a specialist in comparative pedagogy and literary text interpretation. She studies the structural-semantic and historical-cultural aspects of the methodology of teaching foreign languages and researches the functional communicative model of language in linguistics and linguodidactics.

Гуцко Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (Беларусь). Специалист в сфере сравнительной педагогики, интерпретации художественного текста; изучает структурно-семантический и историко-культурологический аспекты методики преподавания иностранных языков; исследует функционально-коммуникативную модель языка в лингвистике и лингводидактике.

Jabarova Shukufa is a PhD, Associate Professor, an Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan). She is a graduate of the Faculty of Philosophy of the Belarusian State University (Belarus). She is the author and co-author of about 100 articles and abstracts, participated in international conferences in Turkey, Russia, Belarus, Romania, Kazakhstan, China, and Serbia. The field of her scientific interests covers anthropology, multiculturalism, and cultural studies.

Джабарова Шукюфа – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и общественных наук Азербайджанского университета языков (Азербайджан). Выпускница философского факультета Белорусского государственного университета (Беларусь). Автор и соавтор около 100 статей и тезисов. Принимала участие в международных конференциях в Турции, России, Беларуси, Румынии, Казахстане, Китае, Сербии. Сфера научных интересов: антропология, мультикультурализм, культурология.

Karatkevich Iryna is a PhD in Philology, Associate Professor, and Head of the Department of Russian as a Foreign Language at the Institute of Pre-University Education of the Belarusian State University (Belarus). She is the author of more than 300 scientific papers on lexicology, lexicography, the history of the Belarusian literary language, and Russian as a foreign language. Her scientific interests encompass Russian and Belarusian as foreign languages and Slavic studies.

Короткевич Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка как иностранного Института доуниверситетского образования Белорусского государственного университета (Беларусь). Автор более 300 научных работ по лексикологии, лексикографии, истории белорусского литературного языка, русскому языку как иностранному. Научные интересы: русский и белорусский языки как иностранные, славистика.

Lebedzeu Siarhei is a PhD in Philology, Associate Professor. He is an Associate Professor at the Department of Oriental Studies in Belarusian State University (Belarus). He worked as a teacher, an editor in the newspapers *Belorussia*, *We and Time*, and the magazine *World Literature*. He regularly participates in national and international research and publishing projects, as well as in international scientific conferences and symposiums. He is the author of several textbooks, as well as numerous scientific and methodological articles published in Azerbaijan, Armenia, Belarus, Bulgaria, Great Britain, Georgia, Kazakhstan, China, Russia, and Turkey. His research interests cover literary theory, narratology, theory and history of art, art of the twentieth century, methods of teaching the Russian language, and methods of teaching art (world art culture).

Лебедев Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь). Работал школьным учителем, редактором газет «Белоруссия», «Мы и время» и журнала «Всемирная литература». Регулярно принимает участие в национальных и международных исследовательских и издательских проектах, в работе международных научных конференций и симпозиумов. Автор ряда учебных пособий, а также многочисленных научных и методических работ, опубликованных в Азербайджане, Армении, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Грузии, Казахстане, Китае, России, Турции. Сфера научных интересов: теория литературы, нарратология, теория и история искусства, искусство XX века, методика преподавания русского языка, методика преподавания искусства (мировой художественной культуры).

Salauyova Yuliya is a student, majoring in Linguistic and Cultural Studies, Belarusian State University (Belarus). She is an award winner and active participant in academic conferences and competitions focused on the Korean language and culture. Her research interests include the study of Korean literature, analysis of social phenomena, and the psychology of modern Korean society.

Соловьёва Юлия Игоревна – студентка специальности «Лингвострановедение» Белорусского государственного университета (Беларусь). Является призером и активным участником научных конференций и конкурсов, посвященных корейскому языку и культуре. Сфера научных интересов: изучение корейской литературы, анализ социальных феноменов и психологии современного корейского общества.

Strelkova Irina is a PhD in Pedagogy, Associate Professor, an Associate Professor of the Department of Vocational Education Technologies at the Republican Institute of Vocational Education; a doctoral student at the Academy of Education (Belarus). She is the author of about 200 scientific papers and books published in Belarus and Russia, including 9 manuals. Her research interests cover additional professional education for adults, the formation of the information culture of a professional education teacher, and digital and AI technologies in the formation of the information culture of a professional education teacher. Since January 2019, she is the official representative of the Russian 'AntiPlagiat' company in Belarus for training.

Стрелкова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры технологий профессионального образования Республиканского института профессионального образования; докторант Академии образования (Беларусь). Автор около 200 научных трудов, опубликованных в научных изданиях Беларуси и России; в число работ входят 4 научно-практических и 5 учебно-методических пособий. Сфера научных интересов: дополнительное профессиональное образование взрослых; формирование информационной культуры педагога профессионального образования; цифровые и ИИ-технологии в структуре формирования информационной культуры педагога профессионального образования. С января 2019 года является единственным официальным представителем российской компании «Антиплагиат» в Беларуси по обучению.

Trus Mikalai is a PhD in Philology, Associate Professor, and a Senior Researcher at the Manuscript Research Department of the Yakub Kolas Central Scientific Library, National Academy of Sciences (Belarus). He works on his postdoctoral research ‘Belarusian Literature in the Intercultural Dialogue of the First Third of the 20th Century’. He is also the scientific editor, compiler, and one of the authors of the literary encyclopedia *Maksim Bogdanovich* (Minsk, 2011). M. Trus is the author of seven monographs, five textbooks, and over 600 publications in Belarusian and international scientific, popular science, and methodological journals. His monograph *Yanka Kupala in Slovakia* (Minsk, 2012) served as the factual basis for the international scientific, cultural, and educational project ‘In the Slovak Paths of Yanka Kupala’ (Belarus–Slovakia, 2015). His research interests encompass Belarusian literature in European and world artistic contexts, the history of Slavic literatures, literary relationships, intercultural communications, comparative literary studies, archival research, and encyclopedias.

Трус Николай Валентинович – кандидат филологических наук, доцент; старший научный сотрудник отдела исследования рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. Работает над докторской диссертацией «Белорусская литература в межкультурном диалоге первой трети XX века». Научный редактор, составитель и один из авторов литературной энциклопедии «Максим Богданович» (Минск, 2011). Автор 7 монографий, 5 учебных пособий, свыше 600 публикаций в белорусских и зарубежных научных, научно-популярных, методических изданиях. Монография «Янка Купала в Словакии» (Минск, 2012) стала фактологической основой международного научного, культурно-просветительского проекта «Словацкими путями Янки Купалы» (Беларусь – Словакия, 2015). Сфера научно-исследовательских интересов: белорусская литература в европейском и мировом художественных контекстах, история славянских литератур, литературные взаимосвязи, межкультурные коммуникации, литературоведческая компаративистика, архивные изыскания, энциклопедистика.

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语区国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月，湖州师范大学、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语区国家，逐渐辐射至沿线其他俄语区国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语区国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语区国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语区国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十五五”规划“3+8”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

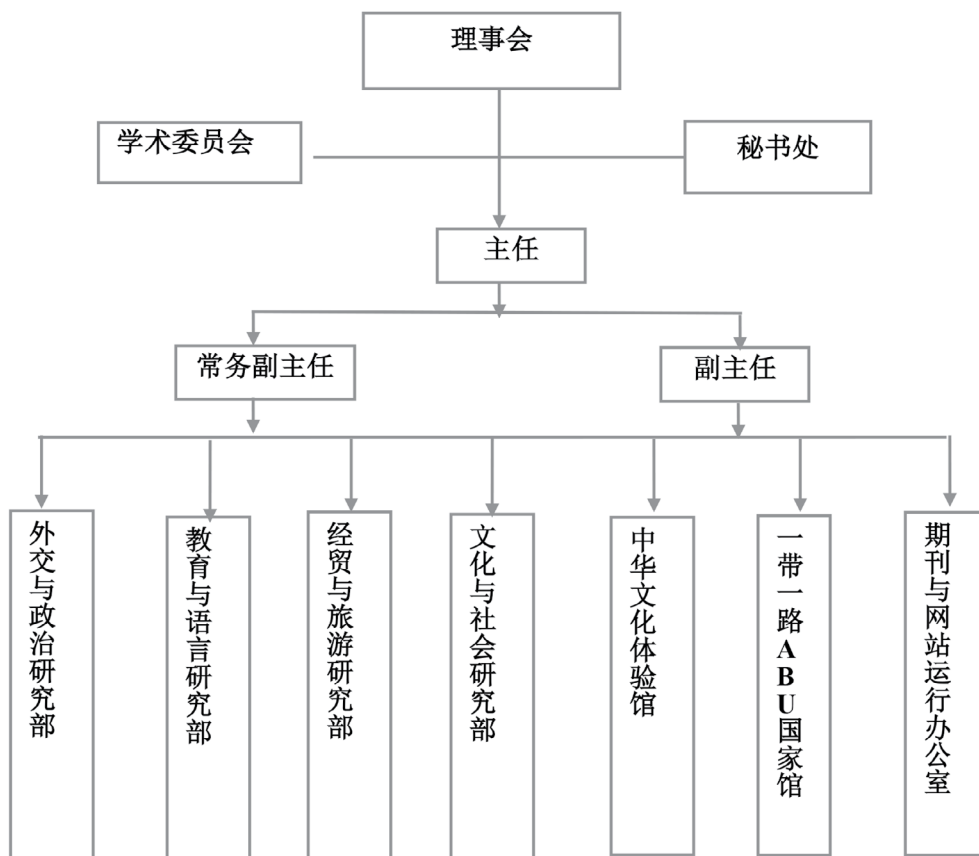
跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语区国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校100年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语区国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语区国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语区国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞

蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走出国门。积极开展“一带一路”重点俄语区国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4个研究部”+“2个展示馆”+“1个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范大学、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

Scientific Journal /
Научный журнал /
学术期刊